

Смертельные
тайны

ЖЕРОМ ЛУБРИ

18+

УБЕЖИЩЕ

Жером Лубри Убежище

Серия «Смертельные тайны. Триллер»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69529318

Убежище:

ISBN 978-5-17-120946-9

Аннотация

Эта удивительная, безумная и мастерски написанная история!

Когда человек переживает сильнейшую психологическую травму, мозг отключает эмоциональную систему, и жертва терпит издевательства в состоянии измененного сознания. Но потом, когда жертва освобождается от своего агрессора, у нее нередко наблюдаются последствия пережитого стресса... И мозг строит себе убежище: параллельную память, которая заменяет реальность, чтобы жертва перестала страдать, иллюзию, чтобы выжить.

Где спрятаться, когда некуда больше бежать?

Сандрин, которая недавно переехала в Нормандию, получает звонок от нотариуса. Тот просит забрать личные вещи из дома ее покойной бабушки – странной женщины, которая жила одна на крошечном острове у побережья и не общалась с дочерью и внучкой.

Сандрин высаживается с корабля на сером, холодном острове и знакомится с жителями – стариками, живущими почти в полной изоляции от цивилизации.

На острове царит странная атмосфера. Сандрин требуется всего несколько часов, чтобы понять, что здешние обитатели скрывают какие-то секреты.

Но почему никто из них не покидает остров? Что случилось с детьми из лагеря отдыха, спешно закрытого в 1949 году?

Через несколько дней Сандрин находят бродящей по пляжу, в одежде, пропитанной чужой кровью...

Содержание

Первая вежа	7
1	7
2	15
3	21
4	33
5	34
6	38
7	45
8	50
9	62
10	66
11	75
12	84
13	93
14	99
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Жером Лубри Убежище

Jérôme Loubry
LES REFUGES

© Calmann-Lévy, 2019

© Болдина Э. А., перевод, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Посвящается Лоану

*«Родимый, лесной царь созвал дочерей:
Мне, вижу, кивают из темных ветвей».
«О нет, все спокойно в ночной глубине:
То ветлы седые стоят в стороне».*

Гете «Лесной царь»¹

Сентябрь 2019 года

Франсуа Вильмен открыл дверь в аудиторию, предоставленную в его распоряжение факультетом Турского университета, и пригласил студентов занять места за партами.

– Всем добро пожаловать, – начал он, выкладывая свой ноутбук на стол и подключая его к интерактивной доске.

¹ Здесь и далее перевод стихотворения «Лесной царь» В. Жуковского

В шерстяном костюме, подчеркивающим стройную фигуру, с благородной лысиной и ухоженной белой бородкой он был похож на шотландского актера. Разумеется, мало кто из присутствующих, в силу своего юного возраста, знал Шона Коннери. Но он поддерживал это сходство с некоторым лукавством, забавляясь их неосведомленностью, как эрудит улыбается при виде допустившего промах всезнайки.

Он подождал, пока все усядутся, затем, дождавшись полного внимания, убавил свет в зале и начал свою лекцию:

– Итак, на втором занятии мы поговорим о деле, появившемся в восьмидесятые годы, которое я назвал «Убежище Сандрины». Как и в прошлый раз, я сначала перечислю факты, а затем мы перейдем к вопросам. Предупреждаю сразу – бесполезно искать информацию в ваших смартфонах или рыться в вашей юной памяти, пытаясь вспомнить об этом деле. О нем не упоминается ни в одном источнике. И в конце лекции вы поймете, почему...

«Займи себя чем-нибудь...

Почитай, к примеру, свой стих...

Так будет легче...

Вот увидишь, завтра, когда учительница тебя вызовет к доске, ты мне скажешь спасибо...

Иди сюда...

Поближе...

Так будет легче...»

Первая вежа

Остров

1

1949 год

Валери размахнулась и с силой бросила палку. Она взмыла высоко вверх, бросая вызов серым облакам, после чего упала на песок. Бежевый лабрадор бросился за ней следом, схватил зубами, виляя хвостом от удовольствия, затем повернулся к своей хозяйке, которая медленно шла вдоль пляжа.

– Давай, неси сюда!

Валери наклонилась, похвалила своего питомца и снова бросила палку. Легкий осенний ветерок освежал лицо, неся с собой опьяняющий запах соли и морских водорослей, истрепанных волнами. Сквозь пелену низких облаков пробивался слабый свет только что проснувшегося солнца.

Каждое утро Валери и Гус, ее двухгодовалый пес, гуляли вдоль океана. Этот ритуал не менялся никогда, невзирая на дожди и ветра. Эта ежедневная прогулка не только давала им возможность провести время вместе. Прежде всего она

позволяла молодой женщине вдыхать полной грудью свободу, которой она была лишена долгие годы.

Валери на секунду оставила лабрадора и повернулась лицом к морю. Волны нежно ластались к ее ногам.

Она закрыла глаза и прислушалась.

Ничего.

Ничего, кроме шума волн и крика чаек.

Никакого гула немецкого бомбардировщика за облаками.

Никакой тягостной тишины, сопровождающей роковой полет хищного снаряда.

Никакой противозвушной сирены, призывающей жителей укрыться в своих погребах.

Никакого обреченного шепота людей вокруг, которые, скорчившись в своих импровизированных убежищах, не осмеливаются поднять голову из страха притянуть смертельную вспышку своим измученным от ужаса взглядом.

Валери вздохнула, на ее губах мелькнула улыбка. Она открыла глаза, заметила вдали крошечный силуэт острова, утопающий в морской дымке, затем повернулась к зданиям, стоящим вдоль береговой линии. Ее лицо омрачилось. Пелена боли и воспоминаний покрыла ее лоб морщинами, но она помнила свое обещание – еще час назад повторяла его себе, натягивая куртку, – она не будет плакать. Война оставила после себя разруху. Разбитые стекла, развороченные фасады, изуродованные крыши... «Понадобится время, много времени, чтобы все восстановить», – подумала она, глядя на

руины.

Негромкое тьяканье выдернуло ее из мыслей в тот момент, когда она ощутила, как к горлу подступает ком. В нескольких метрах от нее Гус улегся на землю и затих, по всей видимости, напуганный большой стаей чаек, на секунду зависшей над пляжем, затем резко спикировавшей вниз неподалеку от него.

Валери подошла к собаке, села на корточки рядом и потрепала ее по голове.

– Мы боимся птичек? – насмешливо прошептала она.

А чаек и впрямь было слишком много. Наблюдая, как они всем скопом взмывают в небо, затем устремляются вниз, она ощутила давно забытый укол любопытства. Обычно эти птицы собирались в небольшие стаи по десять, иногда по двадцать особей, не больше. По крайней мере, в ее воспоминаниях. Но сейчас, она могла бы поклясться, больше сотни чаек наполняли воздух шелестом крыльев и шелканьем клювов.

«Что там могло случиться? – подумала она, поднимаясь. – Ладно, оставайся здесь, если хочешь, трусишка. А я пойду, посмотрю поближе».

Молодая женщина оставила собаку, которая жалобно закулила, но крик чаек заглушил этот звук. Она направилась в сторону самого большого скопления птиц, расположившегося в пятидесяти метрах от нее, прямо у кромки моря. Валери привычно огляделась вокруг, чтобы убедиться, что ей

ничто не угрожает. Эта привычка осталась еще с тревожных времен, когда она шагала одна по улицам своего квартала с продуктовой карточкой в руке, чтобы добыть еды для своей матери и братьев.

Никого не было видно.

Вокруг все оставалось таким же: с одной стороны – молчаливые руины, с другой – море, холодное и безразличное, с виднеющимся вдалеке островом, едва различимым, похожим на крошечный камешек. Пугающие тени, прятавшиеся в закоулках города, развеялись уже давно, с приходом американцев. Взгляды, которые она чувствовала на себе, шагая по улицам, – враждебные или испуганные, в ту пору было сложно их различить, – больше не ложились ей на плечи тяжким грузом, вызывая желание съежиться, чтобы стать незаметнее.

Теперь наконец-то обретенная свобода позволяла ей держаться прямо и гулять по пляжу без опаски. Но молодой женщине еще не удалось до конца избавиться от прежних рефлексив затравленной жертвы.

Валери уже была в десятке метров от скопления чаек.

Внезапно они взмыли вверх, видимо, испугавшись незаметно подошедшего человека. Затем, решив, что их занятие важнее, и, пренебрегая опасностью, они снова шумно спикировали на песок. Едва опустившись на свое таинственное сокровище (Валери успела заметить что-то похожее на ствол дерева), птицы принялись с недовольным клекотом насаки-

вать друг на друга, угрожающе раскрывая клюв и размахивая широкими крыльями. Глядя на них, можно было подумать, что эта ярость не имеет ничего общего с выживанием, и цель ее – просто смерть. Словно, подражая людям, чайки решили воевать друг с другом, напомнив Валери детей, играющих на улицах в войну в более чем правдоподобной обстановке.

«Кажется, вслед за людьми птицы тоже сошли с ума!»

Хозяйка Гуса (который по-прежнему лежал на песке, наблюдая за ней испуганным взглядом) застыла на месте, наблюдая за этим странным неистовством. Но внезапно мимолетная картинка уколола Валери ледяной иглой прямо в нижнюю часть позвоночника. По всему телу пробежал озноб, постепенно добравшись до губ, онемевших от ужаса, которому она еще не нашла названия, и они прошептали, до конца не осознавая происходящего: «Это невозможно».

– Это невозможно.

Эта фраза давно потеряла всякий смысл. Понятие невозможности исказилось, искалеченное человеческой природой. Бомбы, сброшенные на мирных жителей. Тела изнасилованных женщин, оставленные солдатами лежать в развалинах. Дети, протягивающие худенькие ручки через прутья вагона...

Ничего невозможного больше не осталось. Война разрушила и смысл слов тоже.

Однако женщина снова повторила эту фразу, не отдавая себе в этом отчета, словно это стало ответной реакцией на

любую трагедию.

Брошенная ранее палка лежала у ее ног. Она схватила ее и, дрожа всем телом, сделала несколько шагов вперед. Тут же ее ноздри заполнил жуткий запах, от которого она согнулась пополам, давая возможность желудку исторгнуть свое содержимое. Но после нескольких спазмов наружу вышла только желчь. Когда боль отступила, Валери выпрямилась, вытерла ладонью слезы, выступившие на глазах, и бросила гневный взгляд на армию, расположившуюся перед ней. «Это всего лишь птицы, – повторила она, чтобы придать себе смелости. – Ты сталкивалась с вещами похуже и выжила, так что иди, нужно проверить, что там...»

Размахивая палкой, она со всех ног бросилась к чайкам, стараясь кричать как можно громче.

В ту же секунду шумно захлопали десятки пар крыльев, и птицы дружно взмыли ввысь, направляясь к морю с недовольными криками. Несколько дерзких чаек просто отбежали назад, перебирая своими тонкими лапками, и с любопытством уставились на Валери, стоящую в паре метров от тела, которое теперь открылось ее взору.

– О, боже, – выдохнула она, обнаружив полуобглоданный труп.

У него не хватало руки, а также нижней части ноги. Он лежал, уткнувшись лицом в песок. Длинные липкие волосы, похожие на водоросли, свисали с головы. Полупрозрачная кожа была испещрена многочисленными ранами, без сомне-

ния, оставленными клювами чаек или хищными рыбами.

Молодая женщина медленно отступила назад. Она бросила быстрый взгляд в сторону домов, надеясь увидеть кого-нибудь из людей. Ей очень хотелось позвать на помощь, но она была на это не способна. Ее мозгу с трудом удалось передать ей важную информацию: как можно скорее отойти от этого труп.

Тем временем краем глаза она заметила быстрое движение справа. Оно шло со стороны неба.

Что-то быстро спускалось к морю.

Затем вновь поднималось.

Валери не испытывала никакого желания поворачивать голову, чтобы понять причину этого зловещего танца. Ей хотелось со всех ног мчаться с этого пляжа, чтобы больше никогда не слышать хриплых криков чаек, призывающих ее посмотреть в ту сторону. Но у нее не было на это сил. И тогда она медленно повернулась к каменистому силуэту острова и сквозь вновь навернувшиеся на глаза слезы посмотрела на птиц.

Скопление чаек разделилось на несколько групп, которые по очереди исполняли один и тот же балет в разных точках. Птицы пикировали в море, чтобы подкрепиться, но их пиршество то и дело прерывал натиск прибоя, трепавшего их добычу.

Таким образом, то скрываясь за волнами, то вновь появляясь в зоне видимости, в сторону пляжа медленно плы-

ли другие останки, терзаемые голодными хищными птицами. Пять, шесть, девять... Десяток тюков из кожи и костей всплыли из холодной воды, все ненормально раздутые от газов, скопившихся в разлагающихся органах, все частично истерзанные хищниками.

– Боже милостивый...

Когда второе тело вынырнуло прямо перед ней (даже не полностью тело, скорее, туловище без ног) и бледное лицо уставилось на нее пустыми глазницами, Валери, сопровождаемая несущимся по пятам Гусом, побежала прочь от пляжа.

А за ее спиной, словно эхо ее безмолвному воплю, десятки голодных клювов разорвали тишину насмешливыми криками.

Сандрина Ноябрь 1986 года

«Я вляпалась в дерьмо».

Сандрина с сожалением взглянула на свои кроссовки, наполовину увязшие в смеси грязи и коровьих экскрементов. Она вспомнила, как обувала их сегодня утром, белые, без единого пятнышка. А сейчас, стоя посреди поля, на которое она вышла, не глядя под ноги, она с трудом различала логотип на боку кроссовок.

– Вы понимаете, я даже ничего не слышал. Ничего. Они сделали это ночью.

Сандрина посмотрела на фермера, который в нескольких метрах от нее (и благоразумно обутый в высокие резиновые сапоги) показывал толстым указательным пальцем на стадо коров, виднеющихся за оградой из колючей проволоки.

– Что говорит полиция? – спросила она, фотографируя животных.

– Что это, скорее всего, мальчишки. Что они сделали это ради забавы... Но что мне теперь делать с ярмаркой?

– С ярмаркой?

– Да, ярмарка домашнего скота начнется через восемь дней, – уточнил он с легким акцентом. – Мои коровы молочные. Хоть ярмарка и мясная, я все равно смог бы их продать,

дешевле, конечно... Но теперь никто их не захочет. С этой штуковиной на боку... Кто возместит мне ущерб?

«С этой штуковиной на боку...»

Кресты с загнутыми концами.

Небрежно нанесенные краской из баллончика на боку десятка коров.

Фашистская свастика.

Журналистка ощутила жжение в районе запястья, там, где под широким кожаным браслетом скрывались ее шрамы. Она сглотнула, прогоняя этот горький привкус, отравляющий ей память.

– Не знаю, месье Вернст. Может быть, страховка?

– Страховка... Я и десятой части стоимости по ней не получу. Идемте отсюда, тучи собираются, как бы дождь не пошел. Надо же, как вы извозились!

Сандрина принялась старательно вытирать кроссовки о траву, пытаясь оставить на ней как можно больше грязи. Она пообещала себе бросить в машину пару резиновых сапог для следующего раза, когда ее снова отправят освещать такую же сенсацию...

«Подумать только, еще три недели назад я бродила по улицам столицы, мечтая получить место журналистки в крупной ежедневной газете...».

Пожилой мужчина (лет шестидесяти, может, больше: было сложно определить возраст по лицу, изнуренному многолетней работой фермера) откупорил бутылку белого вина,

достал из холодильника тарелку с колбасой и выставил все на крепкий дубовый стол. В комнате пахло потом и влажной одеждой, из печи доносился легкий запах гари. Сандрина грелась, стоя у огня. От своих кроссовок она избавилась, оставив их стоять на коврике перед входной дверью, словно слишком грязного пса, которому не место в доме.

– Моя статья выйдет завтра, – громко произнесла она, слушая звон посуды, доносящийся с кухни. – Вы подписаны на нашу газету?

– Нет. И у меня нет времени ездить в город.

– Тогда я сама вам ее привезу, – пообещала она. – Надеюсь, моя статья вызовет резонанс.

– Вы в самом деле так думаете? – насмешливо спросил Франк Вернст, который вошел в комнату, держа в руках тарелки, бокалы, буханку хлеба и ножи.

«Конечно же нет. Только не здесь, не в этой глуши», – призналась себе Сандрина.

– Присаживайтесь, держите, это хорошее вино.

Она уселась за стол и приняла бокал, который ей протягивал Вернст. У нее вдруг возникло странное ощущение, что она уже раньше встречала этого мужчину. Но это было невозможно, потому что она приехала в Нормандию всего две недели назад. «Может, я видела его в булочной в городе, или... в мясной лавке», – предположила она, разглядывая тарелку с колбасой и паштетом, стоявшую перед ней.

– Нужно подкрепиться, чтобы голова лучше работала, –

произнес Вернст, заметив ее нерешительность.

– Но сейчас всего десять часов утра... – заметила Сандрина.

– Время – понятие непостоянное. Для вас – сейчас *всего* десять часов. А я уже провел в поле пять часов, и для меня это середина рабочего дня. Самое время перекусить.

Сандрина подчинилась. Она намазала паштетом тонкий ломтик хлеба и сделала глоток вина, не скрывая своего удовольствия. Франк жевал не спеша, церемонно. Он налил себе второй бокал, предложил Сандрине, затем с важным видом поставил бутылку на место.

– Вы знаете, война от нас никуда не ушла. Она по-прежнему здесь, – показал он, постучав указательным пальцем по правому виску. – Этим поганцам совсем не обязательно было мне о ней напоминать, разукрашивая моих коров. Она спит со мной каждую ночь. Нет преданнее спутницы, чем война. Когда вы с ней встречаетесь, это на всю жизнь...

– Мне очень жаль, месье Вернст.

– Знаю, знаю. Нам всем жаль.

– Как... Как вы здесь оказались?

– Очень просто. Меня привела во Францию самая худшая из причин – война. А оставила здесь самая лучшая из причин – любовь.

– Правда?

– Да. За год до окончания войны я влюбился в одну парижанку. Но мы были вынуждены скрывать наши чувства. Са-

ми понимаете, немецкий солдат и француженка... Мы кочевали по стране, а когда вся эта история стерлась из памяти людей, мы решили обосноваться здесь. Это было десять лет назад.

– Вы живете один?

– Да, – ответил он без всяких уточнений.

Сандрина обвела комнату взглядом: старый диван, мебель из темного дерева, картина, потертый ковер, старинные фотографии в рамках. Ни телевизора, ни телефона. Несколько книг довоенной эпохи в самодельном книжном шкафу. Эта ферма словно застыла в неопределенном времени. Подобно солдату, ожидающему прекращения огня, она казалась неподвижной, бояливой, не решаясь двинуться ни вперед, ни назад, отказываясь открыться своей эпохе, музыке, сериалам по выходным, чтению более современной и менее воинственной литературы. Она боялась разрушения, которое пророчили ей эти кресты, нарисованные на коровах.

Десять минут спустя Сандрина поблагодарила Франка и пообещала ему написать выразительную статью, которая никого не оставит равнодушным. Ей хотелось бы добавить еще несколько слов, более личных, о долге памяти, об ужасах войны, об этой запретной любви между немецким военным и обычной француженкой, но у нее не хватило смелости. С одной стороны, потому что она не чувствовала себя вправе затрагивать эти темы, о которых знала лишь из учебников истории. С другой стороны, потому что ее не покидало стран-

ное чувство, что она уже где-то видела этого человека. Она не знала, почему, но была уверена, что это чувство неловкости исчезнет только тогда, когда она покинет этот дом.

Закрыв за собой входную дверь, Сандрина наклонилась, чтобы надеть кроссовки. Она на секунду замерла, заметив, что они были вычищены пожилым мужчиной, видимо, когда он находился на кухне. Этот простой знак внимания вызвал у нее улыбку, и ей захотелось вернуться в дом, чтобы поблагодарить его.

Но внезапно другое ощущение «дежа вю» взорвалось в ее сознании, как зерно попкорна в шипящем масле. И эта мысль, несмотря на свою глупость и необоснованность, заставила ее нырнуть в свое «Пежо» 104 прямо с развязанными шнурками.

Сандрина Ноябрь 1986 года

Сандрина вернулась в крохотную контору местной газеты, расположенную в центре городка, неподалеку от рыночной площади. Колокольчик на входной двери известил Венсана о ее присутствии. Он поднял голову от печатной машинки, затаился сигаретой, после чего раздавил ее в пепельнице и поднялся навстречу своей коллеге.

– Ну что, как сенсация? – улыбнулся он, понимая, что, отправляясь в деревню по анонимному звонку, можно было скорее стать жертвой розыгрыша, чем написать статью года.

Сандрина все же решила сначала проверить информацию в жандармерии, прежде чем ехать на место.

– Очень смешно, – вздохнула она, снимая куртку, – по крайней мере, меня угостили завтраком, достойным этого названия! И почистили мою обувь!

Когда он увидел ее входящей в их контору около двух недель назад, с чемоданом в одной руке и листочком с адресом – в другой, Венсан почувствовал, как что-то взорвалось у него внутри. Мощный сейсмический толчок, волны от которого дошли до самого сердца, внезапно поразил этого местного провинциального жителя. Он смог выдавить из себя лишь обрывки фраз, какие-то бессвязные слова, поскольку

ку волны в этот момент добрались и до его мозга. Он улыбнулся (во всяком случае, он надеялся, что улыбнулся, потому что, стоя перед ней с парализованным телом, он не был уверен, что лицевые мышцы отреагировали правильно), затем протянул ей руку и представился, сосредоточившись на том, чтобы не запутаться в собственном имени. Сандрина была тронута неуклюжестью и пунцовым лицом Венсана.

В Париже ее бы никто не встретил с таким энтузиазмом...

С тех пор Венсан не переставал оказывать ей робкие услуги, пытаясь привлечь к себе внимание этой девушки, приехавшей из самого Парижа (экзотическое место для того, кто всю свою жизнь провел в заштатном городке).

Прежде всего, он с удовольствием объяснил ей принципы функционирования газеты (эта тема была быстро исчерпана, поскольку сотрудников было всего двое, он и Пьер, директор), затем рассказал о городке и его жителях. Молодой человек в подробностях описал повседневную жизнь – кого стоит выслушать, с кем лучше избегать общения, где можно вкусно поесть или пропустить по стаканчику...

В его привычной холостяцкой жизни наступили внезапные перемены. По утрам он стал тратить больше времени, собираясь на работу. Стоя перед зеркалом в ванной, журналист по-новому, более тщательно разглядывал себя. Арендваемая им крохотная квартирка над магазином тканей стала свидетелем физического перевоплощения своего хозяина. Перед ней предстал тщательно выбритый и причесанный

Венсан, распространяющий вокруг себя аромат незнакомого парфюма. Она увидела, как он поет и улыбается без всяких видимых причин.

Грязная одежда, вот уже много дней валявшаяся на полу бесформенной кучей, нашла дорогу к корзине для белья. Пустые бутылки из-под пива, разбросанные по квартире за тот долгий год, когда Венсан перестал приглашать гостей в свою холостяцкую двушку, исчезли, словно это был мираж. Утюг снова вернулся в строй, пылесос также был выдернут из спячки, чтобы засосать в себя крошки чипсов и табака, когда-то забытые на ковре.

В конторе обновленный Венсан не сводил глаз с Сандрины. Делая вид, что печатает текст на машинке или обдумывает очередную фразу текущей статьи, он украдкой наблюдал за этой внезапно свалившейся на него девушкой, вызвавшей настоящее потрясение в его личной жизни. Этим утром, глядя, как она уезжает на ферму Вернста, он признался себе, что по-прежнему очень мало знает о своей коллеге. Вежливый обмен любезностями, разговоры о пустяках... Он до сих пор не осмелился сделать ей предложение из разряда: «Приходи ко мне в гости, мы будем целоваться и займемся любовью на чистом и удобном ковре...» – об этом он так часто фантазировал вечерами, прежде чем уснуть.

Немногое, что он знал о ней, заключалось в нескольких фразах: родилась в Париже, где сложно найти место журналиста. Единственная дочь в семье. Любит одиночество. Ши-

рокий кожаный браслет на левом запястье был способом не забывать (о чем? – на этот вопрос она так толком и не ответила). И да, возможно, однажды вечером она согласится выпить с ним по стаканчику после работы.

Все остальное было результатом его внимательного наблюдения: достаточно высокая, рост примерно метр семьдесят; волосы темные, тонкие, подстриженные под каре; лицо угловатое, пропорциональное; глаза зелено-карие, гипнотические; груди, которые угадывались под излюбленными ею толстыми свитерами, были такими же крепкими и круглыми, как самые красивые яблоки Нормандии. Он заметил также еще кое-что – ее губы. Со своего места он часто видел, как они шевелятся, не издавая ни малейшего звука. Сандрина то и дело произносила безмолвные фразы, словно ее мысли не могли оставаться запертыми в ее голове и старались любой ценой выскользнуть через эти молчаливые, едва заметные движения. И каждый раз (то есть довольно часто) этот чувственный танец губ пробуждал в нем желание приблизиться к ним и поцеловать...

– А еще? – опомнился он, осознав, что уставился на губы Сандрины подобно ребенку, застывшему перед витриной со сладостями.

– А еще на грязном поле щиплют траву коровы со свастикой, нарисованной на их шкурах. Полиция считает, что это сделали мальчишки.

– Зато ты никогда бы не увидела такого в Париже!

Эта фраза, похоже, была его любимой присказкой. Он произносил ее, как только появлялся подходящий повод: предстоящая ярмарка домашнего скота, разбитые сельские дороги, обветшалый вид почтового отделения, грубые манеры местных жителей... Конечной целью его мантры было убедить свою новую коллегу никогда не покидать эти места, а точнее, никогда не уезжать от него.

– Это точно... – согласилась она.

– Сандрина?

«Черт, – подумала Сандрина, – сейчас он это сделает. Он пригласит меня выпить по стаканчику, и у меня не будет повода ему отказать. Почему он не понимает, что я хочу остаться одна? Потому что он не может, идиотка. Он же ничего не знает о тебе. По крайней мере, недостаточно, чтобы о чем-то догадаться». Запястье снова обожгло огнем. Как и при виде фашистской свастики. Она незаметно потерлась им об карман джинсов, словно речь шла о простом укусе комара.

– Да?

– Пьер просил тебя зайти, похоже, там что-то серьезное... – сообщил Венсан.

Пьер был их начальником. Это он связался с ней, чтобы предложить ей место. Один из его друзей, работавших в столице, рассказал ему о Сандрине. Пьер не колебался ни секунды, хорошие журналисты были скорее редкостью в их местах.

«Ты пишешь хорошо, но не для здешней публики...».

Именно это она ожидала услышать, усаживаясь напротив Пьера, мужчины пятидесяти лет с кудрявой шевелюрой и очками в позолоченной оправе, выражение лица которого не сулило ничего хорошего. Сандрина уже представила, как возвращается в Париж и снова бежит по городу в поисках работы, пусть даже внештатным журналистом...

– Как дела, Сандрина? – без предисловий спросил Пьер.

В кабинете витал легкий аромат корицы, происхождение которого она не могла определить.

– Хорошо, спасибо.

– Тебе здесь нравится? – поинтересовался он, доставая из ящика стола тарелку с печеньем. – Я знаю, что это не Париж, но мы – серьезная газета, нас очень ценят в регионе. Обычаи, возможно, кажутся тебе странными, почти примитивными, но такая простота в людях порой успокаивает, особенно когда приезжаешь из крупного города.

– Все в порядке, я уже привыкла к луковым ярмаркам и праздникам Святого Иоанна, – призналась Сандрина, даже если глубоко внутри понимала, что это не так. – Но мне понадобится еще несколько лет, чтобы я могла нарядиться крестьянкой и танцевать вокруг священного огня...

– Не будь в этом так уверена! Ты пропустила празднование в этом году, но поверь мне, зрелище того стоило!

Сандрина представила, как ее шеф скидывает свой твидовый пиджак и водолазку и в одной набедренной повязке присоединяется к веренице фальшивых девственниц.

– Угощайся, – предложил он, протягивая ей тарелку, – попробуй это печенье. Вот уже два месяца моя жена считает, что кондитерское дело – это будущее человечества. Каждый день – новый рецепт. У меня уже глюкоза в крови зашкаливает, мне иногда кажется, что я писаю сахарным сиропом.

– Спасибо, но я уже сегодня отведала местных деликатесов у месье Вернста, может быть, позже.

Пьер поставил тарелку, вздохнул, чтобы придать себе смелости, и посмотрел на молодую женщину.

– Сандрина, я... я не знаю, как начать, это несколько щекотливая тема.

Вот он, момент истины. Тот самый временной разрыв, когда рушится настоящее, отправляя нас в прошлое. Видимо, снова придется переезжать. Покинуть одно место, чтобы укрыться в другом. Опять бежать под серым сводом изменчивого неба. Вновь ощущать обжигающие шрамы на запястье. Рассказывать себе старое стихотворение, чтобы хоть как-то забыться.

– Что-то случилось? – спросила Сандрина, догадываясь о том, что будет дальше, поскольку уже слышала это не раз.

«Ты слишком замкнутая. Эта профессия не для тебя. Тебе следует быть более открытой. Твои коллеги беспокоятся. Работаешь ты хорошо, но...» Отчасти поэтому она так и не смогла прижиться в большом городе. Слишком часто знакомые упрекали ее в том, что она никуда не ходит с ними по вечерам, предпочитая сидеть в одиночестве дома. Некото-

рые видели в этом пренебрежение. Другие обвиняли ее в социальной дезадаптации или даже в мизантропии. Напрасно она пыталась им объяснить, что ей было гораздо комфортнее провести вечер дома с книгой в руках, чем в шумных барах и ночных клубах, – мало кто это понимал. И тогда Сандрина пришла к выводу, что лучшим вариантом будет уединиться еще больше, даже если для этого придется переехать.

– Ладно, если что, прости мне мою бестактность, – осторожно произнес Пьер. – Сегодня утром мне позвонил нотариус.

– Нотариус?

– Да, несколько недель назад он отправил тебе письмо, и оно к нему вернулось с пометкой «Адресат по указанному адресу не проживает». В итоге ему удалось выяснить, что ты работаешь здесь, и он переслал письмо сюда. Он также позвонил мне с утра, чтобы предупредить, что это срочно.

– О чем идет речь?

– О твоей бабушке.

Сандрина откинулась на спинку стула и задумчиво замолчала.

««Твоя бабушка». Он имеет в виду Сюзанну, бабушку по материнской линии, которую она ни разу в жизни не видела, потому что, как утверждала мать, эта сумасшедшая старуха безвылазно жила на каком-то острове?»

Пьер поднялся, обогнул свой стол и встал рядом с Сандриной, протягивая ей конверт.

– Держи, вот это письмо. Боюсь, там плохие новости. Я оставлю тебя одну, пока ты... ну, ты понимаешь. Я буду рядом, если тебе что-то понадобится.

Сандрина подождала, пока за ним закроется дверь, затем вскрыла конверт.

«Мадам Водрье Сандрина,

С сожалением сообщаю, что мадам Сюзанна Водрье, урожденная Сюзанна Юрто, 10 декабря 1912 г.р., супруга Жана Водрье и мать мадам Моник Водрье, скончалась в возрасте семидесяти трех лет.

Факт смерти был зарегистрирован 27 октября 1986 г. врачом и жандармом, прибывшими на место. Мне было поручено известить вас о произошедшем и выслать свидетельство о смерти на ваше последнее местожительство, известное почтовым службам: 5б, улица де Аль, Париж.

Поскольку мое предыдущее письмо вернулось назад, в результате проведенного поиска я информирую вас этим повторным письмом о существовании завещания, собственноручно составленного покойной и переданного в мою нотариальную контору 25 октября 1986 г.

В связи с вышеизложенным прошу вас прибыть по адресу, указанному на бланке письма, чтобы исполнить последнюю волю вашей бабушки, мадам Сюзанны Водрье.

В ожидании вашего визита, прошу принять, мадам,

*мои искренние соболезнования,
С уважением, Мэтр Жан-Батист Бегено».*

Сандрина перечитала письмо еще раз.

Она по-прежнему не испытывала никаких эмоций.

С ее губ сорвалось: «Сегодня умерла мама. А может, вчера – не знаю». Этот роман Альбера Камю был ее любимым. Долгое время, когда друзья критиковали ее одиночество и отвращение к ночной жизни, она чувствовала свою схожесть с Мерсо. Впрочем, очень часто, лежа в своей кровати и перелистывая страницы «Постороннего», она мысленно опровергала все эти упреки. А теперь, когда ей сообщили о смерти члена ее семьи, она, как и Мерсо, оказалась чуждой печали, которую должна была испытывать. И все же некоторое чувство вины побудило ее порыться в памяти, чтобы хоть что-нибудь вспомнить об этой родственнице. Но ничего не получалось. Никакого образа этой Сюзанны не всплывало в ее голове. Единственный раз, когда она заговорила с матерью на эту тему, ее любопытство было отмечено простыми фразами, в равной степени поразительными и категоричными.

– Эта сумасбродка предпочла остаться на своем острове и не захотела знакомиться с тобой, своей единственной внучкой. Ты ее никогда не видела, и поверь мне, никогда не увидишь.

Конец дискуссии, конец истории.

Существование этой Сюзанны было таким образом стерто из коллективной памяти, удалено с генеалогического дерева,

а ее имя – изъято из семейного лексикона. Иными словами, она стала запретной темой, о которой Сандрина до этого дня даже не вспоминала.

– Черт! – выдохнула журналистка.

Она перечитала письмо в третий раз, словно пытаюсь убедить себя, что оно было адресовано именно ей, что не вышло ошибки с адресатом. Но нет, ее мать действительно звали Моник.

«Ну и плевать», – решила она, выходя из кабинета. Пьер подждал ее прямо за дверью. Пальцы Венсана перестали терзать пишущую машинку в ту самую секунду, когда она появилась в комнате.

– Ничего серьезного, – произнесла она.

– Однако нотариус мне показался достаточно... озабоченным, – возразил Пьер.

– Я... я ее никогда не знала... И вообще, никому не дозволено так врываться в жизнь людей, особенно если ты умер!

Сандрина не отдавала себе отчета, но ее голос приобрел другой, почти детский оттенок. Ее руки слегка дрожали, когда она подняла письмо вверх, чтобы подчеркнуть свой протест. В глазах стояли слезы.

– Думаю, тебе нужно туда поехать. Возьми неделю отпуска.

– Но... мне хватит и пары дней, – пробормотала она. – Нужно будет просто забрать вещи незнакомки, вот и все.

– В какой-то момент благодаря этой «незнакомке» ты по-

явилась на свет, Сандрина, – возразил Пьер. – Остальное неважно. Я не знаю, что у вас там произошло, но поверь, в тебе есть и ее частичка, этого ты не можешь отрицать. Некоторые цивилизации были убеждены, что в момент смерти кого-то из стариков их потомки теряли частицу себя. И не только в плане генеалогии или памяти, но и физически. И что атомы, доставшиеся им от родителей и присутствующие в их теле, тоже умирали, вызывая органическую скорбь. Они утверждали, что именно поэтому во время траура ощущается такая усталость.

– Я не думаю, что...

– Неделю! – повторил ее шеф. – Ничего из ряда вон выходящего на сельскохозяйственной ярмарке не случится. Может, разрисуют опять мальчишки корову или свинью... Справимся без тебя. Отправляйся на этот остров, улаживай свои дела и возвращайся к нам в отличной форме, это все, о чем я тебя прошу.

4

И тогда ребенок принялся рассказывать стихотворение.

Кто скачет, кто мчится под холодной мглой?

Сначала нерешительно.

«Ездок запоздалый, с ним сын молодой.»

Затем все более уверенно.

«К отцу, весь издрогнув, малютка приник;»

Чтобы убежать, ускользнуть.

«Обняв, его держит и греет старик».

Чтобы спрятаться далеко на острове.

Сюзанна 1949 год

– Вот он, подходит!

Сюзанна увидела катер, медленно приближающийся к причалу. Он еще немного потанцевал на волнах, затем его корпус насыщенного зеленого цвета пришвартовался, раскачиваясь влево и вправо, словно пьяный моряк. Шумно работающий мотор кашлянул, изрыгнув черный густой дым, и затих.

Кто-то сжал ее руку: это была Франсуаза, тоже воспитательница, как и она.

Сюзанна посмотрела на ее раздумянившееся от ледяного ветра лицо. Шерстяной капюшон прикрывал ее голову, но несколько светлых прядей выбились из-под него и струились вдоль висков. Сегодня она нанесла макияж. Это был особый день. Садовник Морис тоже был здесь, прямой, как штык. И Клод – врач, всегда такой загадочный со своим моноклем, а также Симон – мастер на все руки. Остальной персонал был уже на месте, проверяя последние детали.

Они все были убеждены, что действуют на благо Вселенной. Именно такими словами директор, стоящий сейчас ближе всех к катеру, в костюме, несмотря на холод, описал их работу здесь, на этом острове. «Работать на благо Вселенной».

Все невольно улыбнулись, услышав эту фразу. Она могла показаться преувеличенной, напыщенной и пафосной. Но тайла в себе столько надежды!

Мужчины подхватили канаты и обмотали их вокруг причальных тумб. Деревянные сходни осторожно опустились на причал. Директор подался навстречу катеру, осознавая важность момента. Он ждал этого мгновения – они все его ждали – несколько недель. Он уже знал всех гостей, поскольку встречался с ними на континенте, но Сюзанна ощущала его нервозность по тому, как он затягивался сигаретой. Ему не о чем было тревожиться. Лагерь был полностью готов. На три месяца дети смогут забыть о взрывах. О лишениях. О страхе. О запахе разлагающихся тел. Они смогут здесь полностью восстановиться.

«На благо Вселенной. Он прав, так и есть».

Первая голова показалась над трюмом. За ней – вторая. Быстро образовавшаяся вереница детей спустилась на причал.

Сюзанна их пересчитала.

Десять.

Прибыли все.

Она уже знала их по именам, хоть и никогда не видела. Их карточки раздали персоналу за неделю до их прибытия, чтобы не терять драгоценного времени. Директор продумал все.

И вот он уже обнимает первого воспитанника. Сегодня

никто не будет этим обделен.

Тем временем дети начали свое шествие по острову. Они приближались к Сюзанне, уткнувшись взглядом в землю. Ее улыбка не нашла никакого отклика на их лицах. Но она на них не обижалась. Война научила их смотреть только под ноги и не доверять улыбкам взрослых. Но Сюзанна надеялась, что это пройдет.

Все тронулись в путь. Персонал, дети, директор во главе цепочки. Шагая, он не переставал говорить. Его слова звучали уверенно и ободряюще. Они свернули на тропинку, ведущую в лес. Дети хранили молчание. Но одна фраза заставила их вскинуть головы.

– Как только мы прибудем на место, нас сразу угостят горячим шоколадом!

Сюзанна увидела удивление, мелькнувшее в их глазах. Их губы уже были не так плотно сжаты. Теперь они смотрели на директора, ожидая продолжения. Некоторые из них еще никогда не пробовали горячего шоколада. Но это простое слово давало им ощущение безопасности, особенно когда парнишка постарше, Фабьен, спросил:

– Взаправду?

– Да, Фабьен, взаправду! Давайте поторопимся, пока наш дорогой повар не выпил все сам!

– Спасибо, месье!

– Необязательно меня благодарить, никто из вас не должен этого делать. Вы здесь – мои гости. Война окончена, де-

ти, теперь вы можете перестать взрослеть слишком быстро.

Через десять минут ходьбы они вышли из небольшого леса. Перед ними показались бетонные стены бывшего бункера. Некоторые ребята воодушевились, увидев спортивную площадку, сооруженную Симоном. Он подстриг газон очень коротко, смастерил пару ворот из старых деревянных столбов, взятых с причала. Ему даже удалось закрепить баскетбольную корзину на мачте, привезенной с континента. Но самым прекрасным творением, конечно, был сад, созданный Морисом. Он посадил в нем все, что только было можно: овощи, фруктовые деревья, пряные травы... Было чем угодить повару Виктору. И чем кормить кур и свиней, мирно гуляющих по загону неподалеку. Директор все предусмотрел. Молочные коровы, несколько ослов для прогулок по острову. Сюзанна улыбнулась при мысли, что кто-то из детей увидит этих животных впервые в жизни.

Когда они приблизились к первому строению, их окутал сладкий аромат горячего шоколада.

«Скоро ребята увидят свои комнаты, – радостно подумала воспитательница, – и будут дуть на чашки с горячим шоколадом, постепенно возвращаясь в детство...»

«На благо Вселенной».

6

Сандрина Ноябрь 1986 года

Сандрина вышла из здания вокзала в половине третьего дня и взяла такси, чтобы добраться до центра города.

Она еще долго сомневалась, прежде чем отправиться в путь. Ее бабушка ни разу не удосужилась связаться со своей единственной внучкой, поинтересоваться, как она живет, отправить ей поздравительную открытку или просто позвонить. Почему Сандрина должна была туда ехать? Что она надеялась найти на этом острове? Мать наверняка запретила бы ей эту поездку, молодая женщина была в этом уверена. Она попыталась бы ее разубедить, без устали повторяя, что прошлое нужно забыть. Но сама она была не способна последовать этому совету. У матери так и не хватило сил преодолеть гнев и отвращение, которые она испытывала к отцу Сандрины. Поэтому, какой смысл ее слушать?

Сандрина понимала, что эта поездка на остров будет последней возможностью узнать чуть больше о Сюзанне и написать в эпитафии на ее могиле что-нибудь еще, кроме слова «сумасбродка». И потом, Пьер настоятельно просил ее поехать. Он велел ей не являться в контору раньше, чем через неделю...

Серое небо равнодушно смотрело, как она бродит по ули-

цам, а чайки провожали ее насмешливыми криками. Океан ровно гудел фоновым шумом, прячась за какофонией гула машин и обрывков разговоров. Периодически раздавалось хлопанье тросов об мачты, когда порывы ветра надували паруса прогулочных яхт. Сандрина буквально наслаждалась всеми этими звуками. С тех пор, как она переехала в тихий городок, ей не хватало шума. Не людей, а именно шума. Привыкшая к столичной суматохе, она еще никогда не бывала в месте, где интервал между проездом двух машин исчислялся бы не в секундах, а в десятках минут. Направляясь пешком в контору, она могла никого не встретить на пути, и не слышала других звуков, кроме своего дыхания. Поэтому прогулка по центру Вилле-сюр-Мер подарила ей ощущение комфорта, словно весь этот шум ее успокаивал.

После десяти минут блужданий Сандрина решила спросить дорогу. Проходившая мимо женщина показала ей на улицу, тянущуюся вдоль береговой линии, неподалеку от небольшого порта.

Несколько секунд спустя молодая женщина уже открывала дверь нотариальной конторы.

– Мадемуазель Водрье!

Жан-Батист Бегено оказался пухлым коротышкой с редкой растительностью на голове. Он пригласил ее пройти в свой кабинет с таким важным видом, словно ответственность за все прошедшие и будущие войны лежала на его плечах. Сандрина приняла его соболезнования, заметила лег-

кое косоглазие, на которое она постаралась (тщетно) не обращать внимания, затем прошла вслед за ним в кабинет. Внутри было чисто и пахло скипидаром. Широкий книжный шкаф, заполненный тщательно выровненными папками, занимал целую стену напротив окна, выходящего на океан. На столе не было ничего лишнего. Ни семейных фотографий, ни чашки с остывшим кофе, ни разбросанных документов. Единственным, что выбивалось из общей картины, было огромное зеленое растение, стоявшее в углу прямо на полу, словно человек, который его принес, так и не смог определиться, что с ним делать. Сандрина испытала неприятное ощущение, что посетила выставочный образец дома.

– Присаживайтесь, прошу вас! Благодарю, что проделали такой путь, мадемуазель Водрье. Я не задержу вас надолго. Две-три подписи, и все, – успокоил он ее, доставая из ящика стола коричневую папку.

Кожаное кресло нотариуса поскрипывало в такт его движениям. Он положил документы перед собой, в последний раз проверил их содержание, сопровождая чтение одобрительным бормотанием, затем подвинул их Сандрине.

– Поставьте подпись здесь и здесь, этого будет достаточно. Не торопитесь, прочтите все строчки. Они все на своих местах! – пошутил он.

Его приглушенный смех раздавался еще несколько секунд, прежде чем окончательно стихнуть. «Разумно дозированный, чтобы не казаться неуместным в подобных обстоя-

тельстввах, – подумала Сандрина. – Наверняка тренировался перед зеркалом, хотя мне это больше напоминает невзорвавшийся фейерверк, чем искренний и ободряющий смех».

Сандрина быстро пробежала глазами завещание и расписалась в указанных местах. Ей не хотелось здесь задерживаться, к тому же информации было не так много. Личные вещи, которые нужно было забрать из дома усопшей, немного денег на счете в банке, без уточнения суммы. Вот и все.

– Что дальше? – спросила она, отодвигая от себя документы.

– Ваш катер отходит через полчаса, – предупредил ее нотариус. – Эта бумага вам понадобится.

– Что это?

– Разрешение на въезд. Остров, на который вы отправляетесь, с 1971 года является природным заповедником для морских птиц и закрыт для посетителей.

– Вы хотите сказать, что он... безлюдный? – встревожилась Сандрина.

Бродить среди скал в компании одних лишь птиц... Это больше напоминало хичкоковский кошмар, чем благоговеиный визит к усопшей родственнице. Она вдруг подумала, что одинокая жизнь, постоянно сопровождаемая шумом прибоя и шелканьем сотен птичьих клювов, отчасти объясняла безумие ее бабушки.

– Нет, не настолько, – успокоил ее нотариус. – Горстка жителей там еще живет. Ваша бабушка была их частью. Они

обосновались на острове через несколько лет после окончания войны. Владелец острова решил их не выселять. Эти люди имеют право там жить, но никто другой туда не допускается. Кроме случаев... связанных со смертью. Когда нужно забрать вещи покойного и отдать ему последний долг.

Сандрина заметила легкое волнение в голосе мэтра Бегено. Отведя взгляд в сторону, чтобы не встретиться с его косоглазием, она заметила, что единственные настенные часы, присутствующие в кабинете, остановились. Их стрелки показывали 20 часов 37 минут, тогда как сейчас должно было быть около половины четвертого. К тому же, маятник больше не производил никаких движений. Молодая женщина не знала почему, но эти часы, застывшие во времени, вызвали у нее сильное чувство дискомфорта. Она удивилась, что нотариус, поддерживавший в помещении идеальный порядок, мог мириться с таким серьезным упущением. Ей вспомнились слова фермера, сказанные накануне: «Время – понятие непостоянное».

– Ваши часы стоят, – не смогла промолчать она.

– О да, вы правы, я даже не заметил. Все время забываю их завести. Итак, – продолжил Бегено профессиональным тоном, – вам следует показать это разрешение на въезд хозяину катера. Без этого вы не сможете подняться на борт. Если судно подвергнут досмотру, у капитана будут серьезные проблемы.

– Что... что меня ждет на этом острове?

– К сожалению, я не могу вам сказать точно, чем владела ваша бабушка, она не описала этого в завещании. К тому же, дом ей не принадлежал, она его снимала. Думаю, речь идет в основном о личных вещах, может, старых фотографиях, украшениях или что-то в этом роде...

Нотариус развернул лист бумаги, на котором черным фломастером был нарисован незатейливый план местности. Остров имел форму груши. В его нижней части был изображен причал, выдающийся в океан. Чуть выше пространство занимали два десятка маленьких квадратиков, по всей видимости, дома. Единственная существующая дорога шла от причала и вскоре раздваивалась: левая ее часть вела в сторону домов, а правая направлялась к лесу, после чего полностью исчезала. Бабушкин дом, обозначенный крестиком, и хозяйственная постройка в виде прямоугольника были единственным жильем в этой части острова, прямо перед тем, как дорога уходила в лес.

– Довольно лаконично, согласен, но этого должно хватить, – признал нотариус. – Остров не такой большой, всего тридцать гектаров, но с довольно сложным рельефом, особенно в северной части. Будьте осторожны, если захотите там прогуляться.

– Это она дала вам план? – спросила Сандрина.

– Да, я видел ее всего один раз, за два дня до ее кончины, когда она принесла мне свое завещание.

– И как она выглядела?

– В каком смысле?

– Она казалась нормальной, я имею в виду, с головой у нее все было в порядке?

– Мадемуазель, если бы я хоть на секунду засомневался в ее здравом рассудке, я никогда бы не принял ее завещание. Я бы тотчас попросил ее представить мне медицинскую справку о состоянии психического здоровья. В нашей профессии свои правила. В моем кабинете могут находиться неточные часы, но сомневаться в неточности моей работы недопустимо.

– Я не хотела ставить под сомнение ваш профессионализм, прошу меня простить, просто...

– Ваш катер вас ждет, мадемуазель Водрье, – отрезал он, поднимаясь с кресла. – Других сегодня не будет.

Нотариус проводил ее до выхода и показал катер, на котором ей предстояло плыть, – судно длиной в десяток метров, выкрашенное в изумрудный цвет, который давно потускнел от солнечных лучей, дождей и ветров.

– Путь займет не больше часа, – успокоил он ее, – море сегодня спокойное. До скорой встречи, мадемуазель Водрье, обязательно зайдите ко мне по возвращении!

Сандрина Ноябрь 1986 года

Когда Сандрина вышла на улицу после беседы с мэтром Бегено, ей показалось, что прошло уже много часов, а она и не заметила. Небо потемнело, и умирающий солнечный свет вызвал в ней ощущение окончания дня, тогда как она прекрасно помнила, что вошла в нотариальную контору около 15 часов.

«Что за черт, ведь беседа заняла от силы час...»

Создавалось впечатление, что невидимая пелена опустилась на каждый предмет, сделав тусклыми естественные краски, как если бы кто-то наверху убавил уровень яркости Вселенной.

Молодая женщина направилась в сторону причала, к катеру, на который ей указал нотариус. Полная решимости как можно скорее вернуться с этого острова, она уже представляла, как избавится от всех вещей, принадлежавших ее бабушке, – на континент она не повезет ничего. Она раздаст все что только можно местным жителям, организовав визиты, во время которых каждый сможет выбрать то, что ему по душе. Сандрина ни на секунду не сомневалась, что эта идея поможет ей освободить дом в короткие сроки и позволит завтра же после обеда снова сесть на катер и вернуться

к нормальной жизни.

Подходя к судну, она заметила двух мужчин, загружавших мешки и коробки на палубу. Один из них, тот, что был моложе, увидев ее, замер на месте.

– Вы что-то ищете?

Его глаза были темными. Сандрина не смогла не отметить его мускулистые руки. Ей показалось, что она уловила промелькнувшее чувство вины в его настойчивом взгляде, словно она застала его за мелкой кражей.

– Вы ведь плывете на остров? – неуверенно спросила она.

– Да, так и есть.

– Нотариус сказал, чтобы я вам отдала вот это, – пояснила она, протягивая свой пропуск.

Молодой человек поставил на землю деревянный ящик, который держал в руках, и внимательно прочел документ. Внезапно его взгляд изменился. Карие глаза подобрели, смягчились. Сандрина сначала подумала, что произошло недоразумение, что мэтр Бегено ошибся и этот катер под названием «Лазарус», которое было выведено на корпусе белой краской, вовсе не плыл в нужном направлении. Но моряк вернул ей документ и смущенно улыбнулся.

– Вы внучка Сюзанны?

– Да.

– Мне очень жаль, примите мои искренние соболезнования. Сюзанна мне нравилась. Она была хорошим человеком... – произнес он, опустив глаза.

– Спасибо... я ее плохо знала... Меня зовут Сандрина, – представилась она, протягивая ему руку.

– О, я – Поль, мы с Симоном регулярно курсируем между островом и континентом. Как только все загрузим, сразу отправимся. Симон находится в рулевой рубке, – сообщил молодой человек, показывая на носовую часть катера, – это ему вы должны предъявить ваш пропуск. Не обращайте внимания на его повадки старого медведя, это моряк, настоящий морской волк. Поднимайтесь на борт и устраивайтесь, я скоро закончу.

Сандрина прошла по сходням на судно и направилась к крохотной рулевой рубке.

То, как Поль расхваливал ее бабушку, показалось ей странным. «Может, это просто из вежливости, наверняка он не знал о ее безумии и полном отсутствии интереса к своей семье...»

– Чем могу помочь?

Перед ней внезапно вырос мощный силуэт в фуражке. Мужчина лет шестидесяти ждал ее ответа, нахмутив кустистые брови. Он распространял вокруг себя запах машинного масла и только что выкуренного табака. Он был таким огромным, что Сандрине пришлось задрать голову, чтобы взглянуть на него. Ей понадобилось несколько секунд, чтобы оправиться от испуга, и все это время Симон стоял неподвижно, сжав губы, а его руки, казалось, были готовы бросить незваную гостью за борт, если ее ответ его не устроит.

– Я... я... – пробормотала Сандрина.

– Все в порядке, Симон, – со смехом произнес Поль, показавшись на палубе. – Это внучка Сюзанны! Расслабься.

Симон протянул руку, не выходя из своего образа старого морского волка. Сандрина отдала ему пропуск.

– Мои соболезнования, – проворчал он, убирая бумагу в задний карман своего джинсового комбинезона. – У вас только этот чемодан? – заметил он, недоуменно подняв брови.

– Да, а почему вы...

– Вы ведь не из этих треклятых журналисток, которые то и дело норовят проникнуть на остров? – спросил он, подступая ближе. – В последний раз, когда одна из них попыталась это проверить, я сделал вид, что поверил ей, а когда мы прошли полпути, я просто вышвырнул ее в море.

Его твердый голос в сочетании с пристальным взглядом вызвали дрожь у Сандрины. Было ли ему известно, что она действительно журналистка, даже если ее профессия никак не связана с причиной ее присутствия на борту? Должна ли она была это уточнить?

– Ладно, я шучу, девушка, – признался он с довольной улыбкой, продемонстрировав отсутствие переднего зуба, – нотариус нас предупредил. Не волнуйтесь, мы скоро отправимся. Поль! Пошевеливайся! Я хочу прибыть на место до темноты! Вы можете устроиться на палубе, там есть деревянные скамьи. Сейчас тепло, не замерзнете. Если вас будет

тошнить, не наклоняйтесь слишком сильно через борт, мне не хотелось бы лишний раз глушить мотор. Кстати, наденьте спасательный жилет, это обязательно.

Сандрина устроилась на задней части палубы и натянула жилет.

Тем временем Поль загрузил последние ящики, развязал узлы швартового каната, убрал сходни внутрь судна и исчез в рулевой рубке, чтобы помочь Симону отчалить.

«Лазарус» нехотя тронулся с места, словно не желая покидать причал. Затем после нескольких крепких слов, произнесенных Симоном, его корпус медленно и нерешительно скользнул прочь от причала, будто наполненный безотчетным страхом.

Сандрина Ноябрь 1986 года

– Все в порядке?

На море было легкое волнение, «Лазарус» бодро двигался вперед. Поль только что вышел из рулевой рубки. Сандрина сидела прямо на полу, прислонившись спиной к большому мешку, содержимое которого ей было неизвестно. Ее желудок на удивление держался молодцом, но она все же избегала смотреть в сторону раскачивающегося горизонта.

– Вы только не подумайте, – произнес молодой человек, повысив голос, чтобы перекрыть гул мотора, – если бы вы упали в воду, Симон первым бы бросился вас спасать.

– Не искушайте меня, – улыбнулась она.

– Вы не замерзли?

– Нет, вы очень любезны, спасибо. Поль, я могу вам задать один вопрос?

– Да, конечно.

– Когда я подошла к вашему катеру, почему вы решили уточнить, что моя бабушка была хорошим человеком? – спросила Сандрина.

Этот вопрос не давал ей покоя с того самого момента, как она поднялась на борт «Лазаруса». Она ни на секунду не сомневалась в искренности Поля. И это беспокоило ее больше

всего. Судя по всему, это были не просто вежливые фразы в связи с недавней кончиной Сюзанны. Сандрина была уверена, что они шли от сердца, и он мог бы точно так же произвести их при жизни ее бабушки.

«Хороший человек...»

Это никак не вязалось со сложившимся у нее представлением о той, кто отказался от своей семьи ради жизни на острове.

– Потому что она им была, – подтвердил Поль, присаживаясь рядом с ней. – Я начал работать на острове, когда мне было шестнадцать лет. Сейчас мне двадцать восемь. С самого моего приезда Сюзанна принимала меня очень радушно. Остальные были более сдержанными и заговаривали со мной, только когда нужно было передать заказ. А она мне даже призналась, что была счастлива встретить кого-то «из внешнего мира».

– Передать вам заказ?

– Да, мы с Симоном исполняем роль снабженцев. Мы совершаем регулярные рейсы между островом и континентом, чтобы обеспечивать жителей всем необходимым: медикаментами, продуктами... Мы также производим различные работы. Например, крышу починить или предохранитель поменять. Мы в некотором роде мастера на все руки!

– У вас, должно быть, очень много работы!

– Гораздо меньше, чем вначале. На острове осталось всего пятеро жителей... Простите, четверо.

– Только четверо? – удивилась Сандрина. – На целом острове?

– Да. Большую часть времени там живут Морис, Виктор, Клод и Франсуаза. Вы знаете, остров не очень большой. Пешком его можно обойти за один день. Раз в два месяца приезжает команда ученых, чтобы провести учет и идентификацию гнездящихся на острове птиц. Это вносит некоторое оживление и побуждает Виктора растопить кухонные печи в ресторане при местной гостинице. В остальное время там живут только старожилы.

– Но что они делают на этом острове?

– Они... доживают свой век, в некотором роде. Когда владелец острова решил сделать его природным заповедником, он не стал их выселять, позволив им оставаться на острове до самой смерти. Это благородное решение, поскольку остров не может получить статус полноценного природного заповедника, пока там живет хоть один человек. А до тех пор ученые довольствуются тем, что готовят оборудование и описывают местную фауну.

– Но почему они захотели остаться? – удивилась Сандрина, стараясь не выдать своего разочарования.

Этот вопрос был адресован не только Полю, но также бабушке, которая ни разу не захотела навестить свою внучку.

– Я не знаю...

Поль немного помолчал, затем заинтригованно наклонился к ней.

– Сандрина, – тихо произнес он, – вы что, совсем ничего не знаете об этом острове?

– Нет, – ответила она.

Ей хотелось добавить, что она знает немногим больше о той, к кому направлялась в первый и последний раз. Но ей почему-то было стыдно в этом признаться.

– Ладно, – продолжил он, выпрямляясь, – в таком случае я готов вам дать короткую историческую справку об этом месте. Но при одном условии...

– Каком?

– Вы поужинаете со мной сегодня вечером в ресторане.

– Разве он открыт?

– Представьте себе горстку людей, живущих на острове. Что им нужно для того, чтобы не сойти с ума от одиночества?

– Место, где они могли бы встречаться. И где можно выпить, – ответила она, забавляясь этим очевидным фактом.

– Вот именно! И когда приезжают ученые, поверьте мне, они тоже не против собраться в уютном местечке, чтобы пропустить по стаканчику! Виктор, местный повар, открывает ресторан каждый день. Обычно он не разжигает кухонные печи, просто наливает всем пива... Но всякий раз, когда мы приезжаем, нас ждет только что приготовленное блюдо. Мне кажется, это придает смысл его жизни и заставляет подниматься с постели каждое утро...

– Что ж, отлично, – с удовольствием согласилась молодая

женщина, – уютное местечко, хорошее пиво, немного народу... Звучит заманчиво! Вы официально назначаетесь моим личным гидом. Я вас слушаю!

– Хорошо, – начал Поль, устраиваясь поближе к Сандрине. – Начнем со времен Второй мировой войны. Во время оккупации это место служило форпостом немецкого военного флота. Они построили там бункер, а также дома для проживания личного состава. В период освобождения всех эвакуировали, остров опустел. Французское государство решило его продать, как и большинство небольших островов, использовавшихся немцами, – нужны были средства для восстановления страны. Вот тогда и появился нынешний владелец острова. Кажется, он уже тогда собирался вернуть этому месту изначальный природный облик. Однако он не стал сносить немецкие постройки, поскольку по прибытии на остров ему пришла в голову другая идея: организовать детский лагерь.

– Детский лагерь? – удивилась Сандрина, поднимая воротник пальто.

– Именно так, лагерь для детей войны. Он был открыт в конце лета 1949 года. Не слишком удаленный от континента, а значит, от семей, но на достаточном расстоянии, чтобы забыть о страданиях и лишениях. Для этого проекта нужно было набрать персонал: повара, врачей, воспитательниц, садовника... Вот так нынешние обитатели острова туда и попали.

– Вы хотите сказать, что моя бабушка работала в этом лагере?

– Совершенно верно.

Сандрина быстро произвела мысленный подсчет. Согласно нотариальному документу ее бабушка родилась в 1912 году, значит, ей было тридцать семь лет, когда открылся лагерь. Что касается матери Сандрины, то ей как раз исполнилось двадцать, когда Сюзанна впервые ступила на этот остров.

– Значит, поэтому она не могла покинуть остров все эти годы, – поняла Сандрина. – А вовсе не потому, что...

– Все не так просто, – поморщившись, перебил ее Поль.

– Как это?

– Лагерь оставался открытым недолго.

– Почему?

– В конце октября того же 1949 года случилась ужасная трагедия. Был спланирован выезд на континент. Дело в том, что у персонала вызвало беспокойство внезапно возникшее уныние среди детей. И когда врачи пришли к заключению, что с физическим здоровьем это никак не связано, просто они скучают по своим родным, директор решил, что воспитанникам пойдет на пользу один день, проведенный в кругу семьи. Он решил дать детям возможность зарядиться любовью, так необходимой в их возрасте, а родителям – оценить физическое здоровье своих отпрысков. Поскольку лагерь предлагал не только удаление от руин и хаотичного вос-

становления страны, а также регулярное и разнообразное питание, обстановку, способствующую исцелению психологических травм, связанных с войной. Ребята могли заниматься спортом, прогуливаться верхом, открывать для себя фауну и флору острова, спать в нормальных постелях, слушать радио в теплых комнатах... У них даже был учебный класс. Короче, остров давал каждому ребенку шанс возобновить свое детство с того самого момента, когда фашисты его грубо прервали. Тем временем родители могли спокойно восстанавливать свое жилье, ожидая, пока закончатся трехмесячные каникулы на острове. Но вылазка на континент прошла не так, как планировалось. Не успело судно отплыть от берега, как произошла авария – оно затонуло в ледяных водах, унеся с собой детей, которые в большинстве своем не умели плавать.

– Какой ужас!

– Ни один из них не выжил. Взрослым удалось добраться до берега. Некоторые в порыве отчаяния тут же вернулись в воду, чтобы попытаться их спасти, но все было напрасно. Течение уже слишком далеко унесло маленькие тела.

Сандрина некоторое время хранила молчание. Она представляла, как дети барахтаются в холодном море, в том самом, по которому она сейчас плыла. Тридцать семь лет отделяло ее от этой катастрофы, но ей казалось, что она слышит их звонкие голоса, молящие о помощи. Она также подумала об отчаянии, которое должна была испытывать ее бабушка. Такое может кого угодно свести с ума...

– Мне кажется, местные жители не хотят покидать остров в память об этих детях. Они редко говорят об этом, но достаточно встретить их взгляд, чтобы понять, что они до сих пор носят в себе груз этой трагедии.

– Что было потом?

– Владелец принял решение закрыть лагерь. Он вернулся жить на континент, его больше здесь не видели. Но он продолжает перечислять деньги оставшимся жителям и ежемесячно выплачивает нам с Симоном зарплату, чтобы мы могли заботиться о последних свидетелях той эпохи. Я всегда имел дело только с его нотариусом, мэтром Бегено, по поводу моего контракта и прочих административных процедур...

– Вы были там? – внезапно спросила Сандрина.

– Когда?

– Когда они нашли Сюзанну?

– Нет. Я живу на континенте. Я узнал об этом, только когда приехал.

– Кто ее обнаружил? – спросила молодая женщина, опустив взгляд.

– Наверняка один из них. Вы читали заключение Клода, врача, живущего на острове?

– Да, остановка сердца. Что они обычно делают в таких случаях?

– Ждут, когда родные, получив известие, дадут им необходимые указания. Кто-то хочет забрать тело, но большинство покойных завещали, чтобы их захоронили на местном

кладбище.

– Там даже есть кладбище? – удивилась она.

– Да, – с сожалением произнес молодой человек, – с символическими детскими могилами...

– Поль, хватит болтать, пора причаливать!

«Лазарус» замедлил ход, но Сандрина с Полем, увлеченные своей беседой, этого не заметили. Однако оба подскочили, услышав голос Симона.

– Пойду в рулевую рубку, – сообщил Поль, в то время как молодая женщина смотрела на медленно приближающийся остров.

Она заметила деревянный причал и вспомнила о плане, который показал ей нотариус. Тогда она повернула голову влево и увидела крыши домов, проглядывающие среди скал и приморских сосен. С правой стороны от причала Сандрина обнаружила густой лес, который, судя по рисунку, соседствовал с жилищем ее бабушки. С этого расстояния общая картина показалась ей крошечной и нелепой, как миниатюра реальности. Но по мере приближения остров демонстрировал свои истинные размеры. Его обрывистые скалистые берега, темные и блестящие, становились все выше, словно под воздействием безмолвного движения тектонических пластов. Лесные деревья, казалось, тоже стали толще и еще больше вытянулись к грозным облакам. Море, в свою очередь, пробудилось. До сих пор спокойное и безмятежное, оно вдруг заволновалось, словно терзаемое внутренними водо-

воротами, делая маневры Симона более неуверенными и заставив Сандрину вцепиться в леерное ограждение.

– Течения вокруг острова сильные и своенравные! – крикнул капитан «Лазаруса». – Но вы не бойтесь, скоро все закончится!

Сандрина вдруг подумала, до какой степени, должно быть, были повреждены детские тела и насколько им было трудно избежать многочисленных скал, торчащих из воды.

Десять минут спустя катер пришвартовался. Сандрина с облегчением сошла по сходням на остров. Несколько секунд она стояла неподвижно, вдыхая полной грудью насыщенный йодом воздух, стараясь унять легкое чувство дискомфорта в области желудка. Узкий песчаный берег, который моряки называют «кладбищем волн», простирался перед ее взором. Его песок был серым, не имеющим ничего общего со светлым и радушным тихоокеанским побережьем. Гирлянды водорослей покрывали его поверхность, словно пестрые лохмотья лавкрафтовского монстра.

«Черт возьми, бабушка, ты не могла умереть где-нибудь на Сейшелах...»

На губах Поля играла насмешливая улыбка, когда он подошел к ней. Он, похоже, не испытывал никакого недомогания, но в отличие от Сандрины его походка казалась менее уверенной на земле, чем на море.

– Встречаемся в ресторане, – бросил он, загружая в тележку деревянный ящик, который он только что вынес с катера.

– Я... Хорошо, только мне нужно сначала зайти в дом Сюзанны, оставить вещи.

– Не сегодня вечером, Сандрина, скоро совсем стемнеет, и поверьте мне, ночевать возле леса – не самая хорошая идея, когда ты находишься на острове. Посвятите этот вечер вашей недели знакомству с местными жителями! Они будут счастливы с вами встретиться и рассказать вам о Сюзанне. В гостинице для вас найдется комната, если только вы не предпочитаете оказаться в одиночестве в незнакомом доме в двух шагах от заколдованного леса...

– Заколдованного? Мне давно не десять лет и... Подождите, что вы сказали? Как это – неделя? Что вы имеете в...

– Ну да, это наш рабочий цикл. Мы остаемся здесь на неделю, чиним все, что нужно починить, затем снова уезжаем на неделю на континент.

– Простите? Вы хотите сказать, что я застряла на этом острове на целую неделю?

– Именно так. Этот нотариус ни на что не годен, раз не в состоянии объяснить все правильно... – пробормотал Поль.

– Но я не могу оставаться здесь так долго! Проклятие!

– Послушайте, мне нужно все разгрузить, на это уйдет максимум пара часов. Встретимся в ресторане, и не волнуйтесь, здесь время бежит быстро.

Поль снова отправился на катер. Сандрина не верила своим ушам. Провести в изоляции неделю на этом крошечном острове! Да, Пьер ей как раз говорил про неделю, но она

никак не думала, что застрянет здесь на все это время. Она мысленно перебрала содержимое своего чемодана – ей было с чем продержаться, но она никак не могла на это решиться. «Завтра или максимум через пару дней я попрошу Симона отвезти меня обратно, я оплачу проезд, если понадобится, но я не могу оставаться на этом острове, я здесь с ума сойду!»

Она медленно начала подниматься по грунтовой дороге, не замечая первых капель дождя, упавших с неба.

Сюзанна 1949 год

Если бы кто-то спросил у Сюзанны, что является синонимом детства, она бы ответила «восхищение».

Поскольку именно это она читала в глазах детей.

Когда они гуськом подошли к бывшему бункеру, она испугалась, что сейчас все исчезнет, что ребята испытают страх при виде этого бетонного сооружения, не имеющего ничего общего с детской беззаботностью. Она опасалась, что они забудут про аромат горячего шоколада, который ощущался все сильнее, и снова поддадутся сомнениям, как это бывало по ночам, когда в полумраке хрупких жилищ они замечали страх в глазах своих родителей. И в некотором смысле это произошло. Едва уловимо, но все же вполне ощутимо.

Сначала дети замедлили шаг, увидев основное здание лагеря. Вряд ли они когда-то встречались с подобным, но наверняка не раз слышали об этом. Так же, как о лагерях смерти, концентрационных лагерях, Дахау, Освенциме, – этими новыми словами пестрели разговоры взрослых с момента освобождения. Родители произносили их со скорбными лицами, не имевшими ничего общего с улыбками, появлявшимися при упоминании о радуге или о Рождестве.

Затем детские взгляды невольно поднялись вверх, чтобы

изучить окрестности. Они пытались найти причины для сомнений, оправдать присутствие этих бетонных стен, стоящих нетронутыми, словно они не имели никакого отношения к только что закончившейся войне или были готовы к началу следующей.

Наконец – Сюзанне понадобилось несколько секунд, чтобы это заметить, – их цепочка сомкнулась. Дети встали плотнее друг к другу, словно стремясь защититься от опасности, которую они еще не идентифицировали.

Почувствовав их волнение, директор взял слово, встав между ними и бункером.

– Вы правы, – произнес он спокойным и уверенным голосом, – это немецкая постройка. Довольно невзрачная, правда? Но поверьте мне, если бы они узнали, что мы с ней сделали, им бы это точно не понравилось! Идемте за мной, вы сейчас все увидите...

Вот так просто. Всего несколько слов.

Дети продолжили свое шествие гуськом и вскоре приблизились к главному входу. Шедшая рядом девушка, Луиза, крепко сжала руку Сюзанны, когда весь маленький отряд вошел внутрь здания, даже стены которого, казалось, были пропитаны ароматом шоколада. Широкий сырой коридор закончился неожиданно просторным залом. Франсуаза в очередной раз подумала, что эти гнусные немцы знали толк в строительстве. Ей захотелось плюнуть на пол, чтобы проклясть их, но в последний момент она сдержалась, подумав,

что это будет плохим примером для детей.

Внутри все изменилось до неузнаваемости.

Вместо боевого снаряжения, серых стен и мишеней для стрельбы появился длинный обеденный стол, потолок над которым украшало небо, залитое солнцем. На всех четырех стенах огромного зала вместо бледного цемента красовались яркие жизнерадостные пейзажи. Цветущий луг, гигантская радуга, море с приветствующими вас рыбами и гора, населенная животными всех видов. Дети не удержались от восторженных вскриков. Они подошли к рисункам, чтобы потрогать их, убедиться, что все это не сон, прикрывающий обманчивую реальность. Именно в этот момент появился повар Виктор, словно фокусник, вышедший на сцену. На его лице сияла широкая улыбка, которая тоже казалась нарисованной, настолько сильно она озаряла его лицо, он толкал перед собой тележку, уставленную чашками горячего шоколада.

– Сказано – сделано! – воскликнул директор, жестом приглашая ребят отведать угощение.

Маленькая группа рассредоточилась без всякой опаски, и скоро у каждого в руках была чашка шоколада. За этим последовала благоговейная тишина. Затем медленно губы, испачканные коричневой пенкой, округлились, чтобы в конечном итоге растянуться в улыбке.

Когда все допили свои напитки, директор повел детей в другой коридор, где виднелись многочисленные двери, все

приоткрытые.

– Вот ваши комнаты. На дверях написаны ваши имена. Можете устраиваться не торопясь, мы не будем вам мешать. Затем, когда вы закончите, мы снова встретимся в общем зале, чтобы познакомить вас с программой ваших каникул. Отныне это ваши комнаты, вы можете обустроить их на свой вкус, к примеру, передвинуть мебель, если вам не нравится, как она стоит. Для всех желающих через час будет снова подан горячий шоколад. В конце коридора есть часы. Итак, увидимся позже!

Постепенно дети разошлись по своим комнатам. Из коридора были слышны их восхищенные возгласы и смех, поскольку вместо старого цемента здесь тоже их ждали веселые рисунки. Разукрашенные клоуны, цветущие луга, хороводы детей, держащихся за руки, их имена, написанные большими разноцветными буквами...

Сюзанна почувствовала, как по щеке стекает слеза. «Хорошо, что я не накрасилась, как Франсуаза», – с улыбкой подумала она.

Затем она отвернулась и оставила детей наедине с их восхищением.

Сандрина Ноябрь 1986 года

Сандрина быстро добралась до поселка. Она с удивлением насчитала двадцать домов. Ей казалось, их будет меньше, но она вспомнила рассказ Поля о присутствии нацистов, о бывшем персонале лагеря и о группе ученых, регулярно бывающих на острове. Прочные постройки из твердого камня, все однотипные, с прямыми строгими линиями, – эти дома больше напоминали надгробные памятники, чем уютные жилища.

Молодая женщина направилась к самому внушительному из них, единственному двухэтажному зданию с освещенными окнами, рассудив, что это и есть гостиница. Оттуда доносился соблазнительный аромат жареного мяса, из трубы к небу поднимался густой дым. Сандрина толкнула дверь, лицо обдало приятной теплой волной, развеявшей легкий озноб, вызванный морозящим дождем.

В печи потрескивали поленья, рядом выстроился десяток пустых столов и стульев. В глубине зала виднелась длинная лестница, исчезающая на втором этаже. У ее основания приютилась маленькая конторка, обозначающая границу между служебными помещениями и территорией, предназначенной для публики. Сандрина с чемоданом в руке направилась

по многочисленным коврам, устилающим полы, к этому заменителю ресепшена. Она заметила бар с пивными кранами, а также музыкальный автомат – включенный, но хранящий молчание.

– Черт возьми! Теперь я понимаю, почему именно здесь сосредоточен центр местной жизни! – прошептала она, уже предвкушая, как выпьет свежего пива, сидя у огня под звуки классического джаза.

Она позвонила в колокольчик, стоявший на столе, и прислушалась. Ответ не заставил себя ждать. За дверью раздался мужской голос, и несколько секунд спустя она оказалась лицом к лицу с Виктором. Она сразу определила, что это он. Среднего роста, с крупными глазами, придающими ему выражение постоянного удивления. Он направился к ней, и Сандрина заметила, что он слегка хромает.

– Сандрина, я счастлив наконец с вами познакомиться! Конечно, я бы предпочел сделать это при других обстоятельствах, но Клод заверил нас, что Сюзанна не страдала, – пояснил он, вытирая руки об свой длинный фартук.

К великому удивлению Сандрины, повар обогнул конторку, чтобы заключить ее в объятия.

– Примите мои соболезнования. Могу лишь разделить вашу боль, вашу бабушку здесь очень любили, – шепнул он ей на ухо.

Молодая женщина подождала, пока Виктор ее отпустит, чтобы в свою очередь улыбнуться ему. Она не знала, что от-

ветить на его слова, поэтому ограничилась простым «спасибо».

– У меня готова комната для вас, – продолжил Виктор. – Нотариус предупредил меня о вашем приезде. Но сначала садитесь за стол, после дороги всегда хочется пить. Не желаете пива?

– С удовольствием! – обрадовалась Сандрина.

– Вы уже познакомились с Симоном и Полем?

– Да, мы немного поболтали, по крайней мере с Полем, – уточнила она.

– А... Симон... Он выглядит не очень дружелюбным, – улыбнулся повар, скользнув за барную стойку, – но он хороший человек.

Виктор включил пивной кран и наполнил две широкие кружки, наблюдая, как его гостя прохаживается по комнате.

– Воспоминания о прошлом, – поморщился он, увидев, что она склонилась над фотографиями в деревянных рамках, висевшими на соседней стене.

Внучка Сюзанны восхищенно рассматривала снимки. Большинство из них были черно-белыми и запечатлели жизнь на острове в течение первых лет. На одной фотографии десять человек, словно футбольная команда, гордо позировали на фоне огромного бункера. Она узнала Виктора по его одежде повара, но засомневалась насчет Симона. Высокий рост соответствовал, но улыбка, озарявшая лицо молодого человека, резко контрастировала с выражением лица

морьяка, которого она не так давно видела. Сандрина поискала свою бабушку, но, не имея достаточной информации, она колебалась между двумя женщинами, одна из которой была невысокой, с покрашенным лицом, а другая – более стройной, с взглядом, избегающим объектива. К тому же, среднее качество снимков не облегчало ей задачу...

Многие фотографии изображали этих же людей в разных ситуациях: работающими в саду, сидящими за столом в зале с разноцветными стенами, играющими в баскетбол, курящими на утесе на фоне простирающегося до самого горизонта моря... «Даже сам остров как будто сияет», – подумала она, разглядывая несколько цветных снимков, отпечатанных, судя по всему, с пленки «Кодахром». У нее создалось впечатление, что с течением лет трагедия в детском лагере сделала более блеклой саму природу острова. В ту пору дома жителей утопали в цветах, море казалось более синим, а небо было не таким угрожающе-серым, какое сейчас нависало над островом.

Но вовсе не этот цветовой диссонанс вызвал у нее наибольшее чувство дискомфорта.

Переместившись правее, она обнаружила другую коллекцию снимков – посвященных детям. История, рассказанная Полем, внезапно отозвалась в ней, как таинственная сказка, навеянная ветром. Воспитанники тоже позировали перед бункером. Они все, похоже, были одного возраста, и робкие улыбки освещали их лица. Их запечатлели во время раз-

личных занятий. Некоторые ехали верхом, другие собирали фрукты или играли в мяч. Незаметно для себя Сандрина дошла до последнего снимка. Дети сидели спиной к объективу перед доской, на которой были написаны упражнения по математике. На одной из стен висела карта Франции, виднелись также круглые часы и вешалка для одежды.

Учебный класс.

После этого снимка – больше никаких следов жизни детей. Ни одной фотографии. Эта гнетущая пустота соответствовала внезапности их смерти. Сандрина вдруг ощутила холод, словно до сих пор находилась на улице под ледяным морозящим дождем.

– Держите, вам станет лучше, – произнес Виктор, протягивая ей пиво.

Он дружески положил ей руку на плечо.

– Судя по тому, как вас расстроили снимки, вы знаете историю этих детей.

– Да, Поль рассказал мне ее во время поездки. Это ужасно.

– Это была огромная утрата, имевшая множество последствий. Ну, не будем об этом. Садитесь, грейтесь, остальные скоро подойдут.

Сандрина устроилась за ближайшим к огню столиком, прямо под снимками.

– Остальные?

– Да, я знаю, по крайней мере, одну персону, которой не

терпится вас обнять: это Франсуаза! Они были неразлучны с вашей бабушкой! Это та, которая с макияжем...

– Значит, вторая – моя бабушка?

– Да... Сюзанна.

– Я не думала, что она такая красивая.

– Красивая, умная и очень добрая. Нам ее так не хватает, – вздохнул Виктор, неподвижно застыв перед фотографией.

– Почему вы до сих пор остаетесь на острове? Почему не возвращаетесь на континент? – спросила Сандрина, делая глоток пива.

– Потому что все мы тут пленники, милая девушка. Только поэтому, – ответил Виктор, не сводя глаз со снимков.

Она подождала продолжения, разъясняющего эти загадочные слова, но мужчина больше не проронил ни слова. Впервые за все время с момента их встречи он не улыбался и казался отсутствующим, словно его сознание, покинув тело, сосредоточилось в другом месте, в совершенно другой эпохе.

– Как это... пленники? – все же решилась спросить Сандрина.

– О... прошу прощения, я несу вздор, – произнес он, возвращаясь к жизни, – просто ваше присутствие напомнило мне о Сюзанне и... Простите, меня, старика, иногда заносит... Отдыхайте, я пойду приготовлю ужин. Поль ест за четверых, и вам тоже не мешало бы подкрепиться. Я вас оставляю, до скорой встречи.

Он бесшумными шагами направился в сторону кухни,

слегка прихрамывая.

Сандрина в тишине допила пиво. Через окна ресторанный зала она наблюдала, как густеют сумерки. Ветер, дующий с моря, трепал ветви сосен, и если прислушаться, можно было услышать его заунывную песню. Темнота все больше окутывала пейзаж. Блестящие скалы превратились в угрожающие тени, похожие на солдат, неподвижно застывших в ожидании штурма. Поль дал ей ценный совет. Она представила себя в незнакомом доме своей бабушки среди мебели и воспоминаний призрака. «Не забывая о заколдованном лесе», – насмешливо подумала она, вспомнив слова молодого снабженца.

В эту секунду дверь гостиницы распахнулась. На пороге появилась пожилая женщина, ежась от ветра, который тут же ворвался внутрь, принеся с собой капли дождя, забрызгавшие ковер у входа.

Поставив свой зонтик, она бросила быстрый взгляд в сторону Сандрины, после чего направилась к музыкальному автомату. Порывшись в кармане куртки, она постучала по клавишам, наклонилась и опустила монету в щель автомата. В ту же секунду комнату наполнили звуки пианино, и первые слова песни межвоенных лет украсили атмосферу ресторана.

*Говори со мной о любви,
Ну скажи мне ласковое слово,*

*Очень нежные речи твои
Мое сердце слушать готово.*

Сандрина почувствовала, как сжалось ее сердце.

Эта песня...

Ею овладело странное чувство.

Ощущение опасности, источник которой она не могла определить, пробудило в ней когда-то уже испытанное чувство тревоги, но ей не удавалось вспомнить, где и когда это было. Она пристально смотрела на незнакомку, приближавшуюся к ее столику, в то время как неприятные мурашки исполняли дикий танец по всему ее телу. В тот момент, когда пожилая женщина открыла рот, густо намазанный блестящей помадой, Сандрина вспомнила, когда она уже испытывала точно такое же чувство – это было во время отъезда с фермы, где коров разрисовали фашистскими крестами, когда она заметила на крыльце свои тщательно вычищенные кроссовки...

*Шепот сладкий и вкрадчивый твой
Одурманил меня до дрожи,
Несмотря ни на что, ты мой,
Я хочу тебе верить все же.
Говори со мной о любви...
Ну скажи мне ласковое слово.*

– Здравствуй, дитя мое, – произнесла Франсуаза, убирая

с лица седую прядь волос, – я так рада с тобой познакомиться... Мне столько нужно тебе рассказать...

Сюзанна 1949 год

– Франсуаза!

– Я всего лишь пробую соус!

– У тебя хотя бы руки чистые? – возмущенно спросил

Виктор, помешивая содержимое кастрюли.

Франсуаза заговорщицки подмигнула Сюзанне. Та стояла за кухонным столом и с улыбкой чистила морковь, стараясь не запачкать свою блузку.

– Мой дорогой Виктор, – жеманно произнесла Франсуаза, приближаясь к повару, – такие умелые руки должны заниматься другими вещами, а не ощипывать птицу или готовить горячий шоколад... Война окончена, единственный, кому сейчас можно стоять по стойке смирно, это...

– Франсуаза! – притворно смутилась Сюзанна, прыснув со смеху, как школьница.

– А что? Если он не хочет меня поцеловать, пусть хотя бы поцелует мою помаду, для начала хватит...

– Ступайте отсюда, дайте мне спокойно работать, скоро у детей закончится урок, а еда сама собой не приготовится...

– До скорого! – бросила Франсуаза, беря свою коллегу под руку.

– Мне кажется, я ему нравлюсь, – прошептала она, выходя

из кухни.

Прошла неделя с момента приезда воспитанников. Работники заняли свои места в тщательно организованной директором структуре лагеря. В качестве старшей воспитательницы (статус больше почетный, чем реальный) Сюзанна жила ближе всех к лагерю, в доме, построенном прямо у выхода из леса, который вел к бункеру. Остальная часть персонала разместилась в домах, расположенных чуть дальше, на западе острова. Гостиница, построенная во время войны, чтобы принимать излишки личного состава, использовалась персоналом в том же качестве. Так, вечерами, после работы они могли свободно выпить там по кружке пива. Ночью дежурила вторая команда, преимущественно состоявшая из няни и врачей, которые помогали детям справиться с кошмарами, лихорадками или внезапными головными болями. Работники двух команд виделись редко, только на летучках, когда сменяли друг друга.

Франсуаза с Сюзанной направились к комнатам детей, чтобы проверить, что в каждой из них наведен порядок и заправлена кровать. Это было частью правил – следить за тем, чтобы дети поддерживали в порядке свое жилище. «Долгое время они не могли себе этого позволить, так как большинство из них жили в трущобах. Мы должны сделать так, чтобы они вели себя как дети своих родителей, а не как дети войны. Им следует снова научиться дисциплине, вставать в определенное время, посещать занятия, мыть руки перед едой... А

также вновь наслаждаться свободой, как обычные беззаботные дети. В этом им помогут спорт, работа в саду, постройка шалашей или просто право на безделье. Мы оставляем за ними выбор проводить свое время так, как им хочется. Роскошь, о которой они успели забыть», – уточнил директор.

– У тебя есть дети, Сюзанна?

– Да, дочь. Она вышла замуж и решила уехать из родных мест. С тех пор у меня нет от нее новостей. Не говори, пожалуйста, никому об этом, а то мне придется покинуть остров. А у тебя есть дети?

– У меня? Ну что ты... Я не в состоянии никого воспитать достойно...

– Однако ты прекрасно справляешься с воспитанниками.

– Может, как-нибудь и сподоблюсь... Когда Виктор решится, – пошутила она.

– А во время войны?

Франсуаза знала, что о ней говорят в городе. Именно поэтому она решила покинуть континент и укрыться на этом острове. Эта работа была для нее лучшим способом спрятаться от слухов. И хотя она знала Сюзанну всего десять дней, ей с самого начала стало понятно, что этой женщине можно доверять. Возможно, потому что во время войны Франсуаза не могла довериться никому. Каждое слово, каждый жест следовало тщательно продумывать, чтобы не вызывать подозрений. «Доверие сродни любви, – подумала она, – никто не может жить в неопределенности».

– Я спала с немцами, – призналась она, чувствуя огромное облегчение.

Когда у нее шептались об этом за спиной, она испытывала еще большее чувство вины. Но признавшись в этом без опаски, назвав вещи своими именами, она ощутила, как боль, которая казалась ей вечной, оставила ее. Сюзанна замерла и внимательно посмотрела на свою коллегу.

– И сколько их было?

– Четверо или пятеро, – пробормотала Франсуаза, опустив взгляд.

– Бог мой... Ты знаешь, что делали с такими женщинами?

– Да. Я переехала задолго до освобождения. Если бы я осталась в своем квартале, мне бы тоже побрили голову наголо... Но знаешь, не все они были исчадиями ада, – попыталась она оправдаться. – И потом, нужно было как-то выживать.

– Я знаю... Знаю...

– А ты никогда не...

– Нет, – выдохнула Сюзанна, – никогда. Мой муж погиб в первый же год войны. Я почувствовала себя одинокой, понимаешь, без плеча, на которое можно опереться. Но у меня была дочь...

– А я была совсем одна, Сюззи, и никого рядом, – уточнила Франсуаза. – Вообще никого...

Ее макияж и внезапная печаль сделали ее похожей на грустного клоуна.

– Все это осталось позади, – заверила ее подруга, ободряюще улыбнувшись. – Жизнь продолжается.

Постепенно они проверили все комнаты. Обе воспитательницы не заметили ничего особенного, только одеяла чаще всего были брошены в спешке, а не тщательно застелены.

Но в последней комнате Сюзанна обнаружила нечто новое.

Она не стала ничего говорить своей коллеге, но эта незначительная деталь занимала ее голову весь день. В комнате Фабьена, восьмилетнего мальчика, на стене был сделан рисунок, прямо над сияющей радугой. Мужчина (Сюзанна предположила, что это мужчина, поскольку на голове, нарисованной коричневым мелом, не было волос) стоял на двух длинных ногах в виде палок. Тело и руки тоже были изображены с помощью таких же черточек, напоминая скелет, используемый в игре в виселицу. Ее внимание привлекли два слова, написанные рядом с рисунком: *Der Erlkpnig*.

Сюзанна узнала язык, но не могла понять смысла написанного. Она знала всего несколько немецких слов, которые были ей необходимы в повседневной жизни во время оккупации, не больше.

Она вышла из комнаты, оставив там этот рисунок, который, в конце концов, мог быть просто детскими каракулями, без всякого тайного смысла. Как сказал директор неделю назад, дети могли распоряжаться своим личным пространством по своему усмотрению, в пределах разумного, конеч-

но. Поэтому рисунок никак не нарушал более чем мягкие правила детского лагеря...

Остаток дня прошел в обычном режиме.

После обеда работники лагеря вместе с детьми посвятили время физической активности. Симон со своей неизменной улыбкой повел группу из четырех ребятшек прогуляться верхом по острову. Прогулка продлилась больше двух часов.

Клод в качестве медика осмотрел всех детей, как он это делал в конце каждой недели. Он пообщался с ними, провел стандартные процедуры обследования и обработал несколько пустячных болячек, таких как порезы или ссадины на коленках. Он с удовольствием отметил, что все дети прекрасно себя чувствуют как физически, так и морально. Многие набрали несколько килограммов, далеко не лишних, и все чувствовали себя на этом острове счастливыми и в полной безопасности.

К 17 часам Виктор приготовил очередную порцию горячего шоколада, и ребята побросали свои мячи, деревянные автоматы и велосипеды так стремительно, словно они загорелись у них в руках. Затем под присмотром двух воспитательниц дети играли в настольные игры, раскрашивали картинки... Сюзанна и Франсуаза радовались семейной атмосфере, которая быстро установилась в бывшем бункере. День приезда детей, так же, как их сомнения, казался сейчас такими далеким.

– Время – понятие непостоянное, – прошептала Сюзанна, наблюдая за ребятами, которые больше не боялись бегать и смеяться в этом немецком сооружении, где когда-то планировалось столько преступлений.

Она на секунду погрузилась в свой собственный бункер, в свою болезненную историю. Неделя, проведенная на острове, стерла воспоминания о войне, заменив их давно забытыми красками. Это убежище затуманило ее память, показав ей другую реальность, не пересекающуюся с ужасом, наводнившим ее душу во время оккупации. В этой реальности немецкие танки растворились в пространстве, уступив место силуэтам, бегающим за мячиком. Сигнал противоздушной тревоги умолк, позволив чистым и радостным голосам наполнить тишину. Пристальный взгляд недоверчивых солдат закрыла разноцветная радуга.

В этом месте, прочно закрепленном в реальности, но словно вышедшем из сна, она надеялась, что лагерь также исцелит и ее. Являлась ли она частью блага Вселенной или все это было лишь иллюзией?

Сюзанна подумала о дочери, своей другой реальности.

Та познала любовь в объятиях солдата за несколько дней до официального окончания войны. Сюзанна не решилась признаться Франсуазе, что этот солдат был членом вермахта, так же, как бывшие любовники ее подруги. Ей было очень трудно принять эту новость. Дочь клялась, что он был не такой, как те, кто просто использовал ситуацию, население, что

он был совсем другим. Но Сюзанна в это не верила. Расставание было внезапным и безмолвным. Письмо, оставленное на кухонном столе, опустевшая комната.

Любовь, покинутая ради утопии.

Иногда с юга Франции приходили письма. Ее дочь Моника описывала свою жизнь, свои планы. Ее почерк стал размашистым, как у решительной молодой женщины. Ее муж («значит, она вышла замуж, не известив меня») хотел иметь ребенка. Моника надеялась, что это счастье случится следующим летом.

Сюзанна отвечала ей сдержанно. Она считала, что ее строгий родительский тон поможет дочери избавиться от детских иллюзий. В итоге она написала Монике, что ей очень тяжело читать ее письма, что она ее любит, но никогда не сможет обнять мужчину, который мог убить ее мужа, если бы получил приказ. «То есть твоего отца, у которого ты сидела на коленях и который говорил тебе, что звезды светят на небе только для того, чтобы озарять твою улыбку».

Она несколько месяцев ждала ответа и порой признавалась себе в глубине души, что, возможно, немного перегнула палку...

Но разлуки питаются временем и молчанием.

Они пожирают наши сожаления и переваривают их до тех пор, пока те становятся едва различимыми.

Так больше не было отправлено ни одного письма.

С опозданием в несколько лет жертвами войны стали еще

два человека.

Сандрина Ноябрь 1986 года

*Говори со мной о любви,
Ну скажи мне ласковое слово...*

Сандрина внимательно слушала, как Франсуаза описывает ее бабушку.

Пожилая женщина говорила о ее доброте, внимательности, всегда приветливых словах в общении – как с детьми, так и с взрослыми. Она вспомнила о том первом дне, когда они стояли у причала в ожидании приезда воспитанников. Затем рассказала о том, как они любили проводить здесь вечера после рабочего дня в лагере, как смеялись, пили шнапс и бросали рюмки в стену в качестве последнего проклятия в адрес фашистов.

– Это была ее любимая песня, – пояснила Франсуаза, качнув головой в сторону музыкального автомата.

– Правда?

– Да. У нее дома был граммофон, и каждое утро, когда я заходила за ней, чтобы вместе пойти на работу, я еще с улицы слышала голос Люсьен Буайе.

– У нее был здесь поклонник? – спросила Сандрина.

– Нет, насколько я знаю. Твой дед был единственным муж-

чиной, о котором она мне рассказывала.

– А у вас?

– Мне нравился Виктор... Можешь себе представить, он даже ни разу не соизволил меня поцеловать! Поэтому я переключилась на Симона! – призналась она, пожав плечами.

– На Симона? Снабженца? – удивилась Сандрина, вспоминая встречу со старым морским волком.

– В то время он был местным мастером. Руки у него были золотые, – подчеркнула она, подмигнув.

– Вы знали, что у нее была дочь?

– Конечно, это не было секретом.

– Она рассказывала вам обо мне? – отважилась спросить молодая женщина.

– Как могло быть иначе, деточка? Она догадывалась, что ты красивая и умная. Ей очень хотелось с тобой познакомиться... Но порой жизнь бывает сложной, а мы не всегда принимаем правильные решения.

– Она могла бы мне написать, – возразила Сандрина.

– Я знаю, что с этим сложно смириться... Но Сюзанна любила тебя, не сомневайся. Она просто не могла уехать с острова... ни связаться с тобой.

– Господи, но почему?

– Потому что боялась, – прошептала Франсуаза, словно упоминала о чем-то запретном.

– Боялась?

– Да. Ты никогда не сможешь испытать такого страха, –

подтвердила она неожиданно серьезным тоном. – И этот страх, как она мне потом призналась, впервые появился, когда мы проверяли комнаты детей. Ты знаешь, твоя бабушка не была болтливой, наверное, из-за войны. Она никогда ничего не говорила просто так, именно поэтому я сразу прониклась к ней доверием.

– Но чего она боялась?

– Лесного царя.

Услышав эти слова, Сандрина начала сомневаться в психическом здоровье Франсуазы. Она обратила внимание, что пожилая женщина то и дело бросала по сторонам настороженные взгляды, словно опасалась, что ее услышат, хотя кроме них двоих в зале ресторана никого не было. К тому же на ее лице словно застыло выражение вечного восхищения – приподнятые брови, широкая улыбка, высокие скулы напоминали обличье клоуна.

– Мы все здесь словно закованы в цепи, – продолжила Франсуаза. – Каждый из нас боится, даже если никто не решается в этом признаться. Потому что на этом острове живет существо, которое можно увидеть только в кошмарах. Но оно абсолютно реальное. Оно наблюдает за нами днем и ночью. Оно не дает нам уехать.

«М-да, разговор заходит в тупик», – подумала Сандрина, делая вид, что внимательно слушает собеседницу.

– Я не совсем понимаю, – произнесла она, чувствуя себя неловко и вспомнив, как совсем недавно Виктор употребил

слово «пленники».

– Люди прячутся за словом «безумие», когда не могут или не хотят замечать странную реальность. Не допускай такой ошибки. Твоя бабушка никогда не была сумасшедшей, дитя мое, она просто раньше всех все поняла, поэтому *он* ее убил. Не задерживайся на этом острове, деточка. Иначе ты никогда не сможешь отсюда уехать...

– Что вы хотите сказать?

В тот момент, когда бывшая коллега Сюзанны наклонилась к ней, чтобы объяснить, дверь в гостиницу резко распахнулась. В проеме показался Поль, держа в руках мешки с провизией.

– Виктор, мне нужна помощь! – громко позвал он.

Бывший повар лагеря появился мгновенно, словно прятался на задворках зала, подобно актеру, поджидающему реплику для своего выхода на сцену.

– Иду, иду... Привет, Франсуаза! – бросил он, проходя мимо столика, за которым сидели женщины.

– Привет, красавчик, – ответила она, даже не взглянув в его сторону. – Мне нужно идти, Сандрина, была очень рада с тобой познакомиться.

Судя по всему, вторжение Поля испортило ей настроение. Лицо ее замкнулось, она встала, со вздохом кусая губы (что оставило след помады на верхних зубах).

– Подождите, – остановила ее Сандрина, – вы хотели мне объяснить...

– Я не могу этого делать здесь, приходи ко мне завтра после обеда. Мой дом стоит ближе всех к побережью. Там мы сможем поговорить спокойно.

– Но...

– Ты не должна оставаться на этом острове, Сандрина.

Затем она развернулась, направилась к музыкальному автомату и покинула ресторан, не добавив ни слова. Через несколько секунд после того, как за ней закрылась дверь, тишину зала вновь наполнили слова песни.

Говори со мной о любви,

Ну скажи мне ласковое слово...

«Боже мой, что это за место? – подумала Сандрина, размышляя над этой невероятной историей. – Что имела в виду эта женщина?» Внезапно ей захотелось как можно скорее убраться отсюда. Она не знала, почему, но тревожный звончок звенел в самой глубине души с тех пор, как она поднялась на борт «Лазаруса». Это странное смутное ощущение только усиливалось с каждой новой встречей.

Симон. Виктор. Франсуаза.

В данный момент никто из жителей острова не внушал ей доверия. Каждый по-своему посеял в ней сомнения, подпитывающие это странное ощущение. Единственным человеком, который избежал подобной оценки, был Поль. Но что конкретно она о нем знала? Он жил на континенте, каж-

дые две недели ездил на остров, чтобы снабжать продуктами местных жителей и удовлетворять их потребности. Приятный парень, ну и что?

– Можно?

Поль появился, как внезапная материализация мыслей Сандрины. Она неловко ему улыбнулась, заметила, что он держит в руках две кружки пива, и попыталась скрыть свое волнение, заправив прядь волос за ухо.

– Да... Да, конечно!

– С вами все в порядке? У вас встревоженный вид.

– Да, все... Все в порядке, – пробормотала она в то время, как он подвинул в ее сторону одну из кружек.

– Простите, вы ведь приехали сюда из-за смерти Сюзанны... – извинился парень.

– Дело не в этом, – призналась Сандрина.

– А в чем тогда?

– Я немного пообщалась с Франсуазой...

– Понятно... Мне нужно было вас предупредить, – произнес Поль.

– О чем?

– Франсуаза немного... Скажем так, у нее не все в порядке с головой. Видимо, изоляция наложила свой отпечаток... И потом, Клод считает, что смерть вашей бабушки потрясла ее гораздо больше, чем кажется. Они были очень дружны.

– Да, она мне это сказала... и пригласила прийти к ней завтра после обеда, чтобы поговорить.

– Отличная идея! Ей будет полезно выговориться. Вот видите, я же говорил, что вам будет, чем заняться! К тому же завтра утром я пойду вместе с вами в дом Сюзанны. У меня есть запасные ключи от всех домов.

– Спасибо, Поль!

– Пожалуйста!

– Послушайте, мы единственные молодые люди на этом острове, может, уже перейдем на «ты»?

– Хорошо, Сандрина, надеюсь, ты проголодалась?

– Да, а почему ты спрашиваешь?

Он кивнул в сторону кухонной двери, и она увидела Виктора, направляющегося к ним с кастрюлей, полной рагу.

– Налегайте, молодежь! И чтобы не осталось ни крошки!

В этот вечер они были единственными клиентами гостиницы. Присутствие Поля было ей приятно. Они говорили обо всем и ни о чем, и Сандрина даже забыла о причине своего приезда на остров. Молодой человек рассказывал ей о своей жизни на континенте, об ощущении, что занимается не своим делом; он объяснил, что планирует поработать еще пару-тройку лет (он постеснялся уточнить – до тех пор, пока не умрет последний житель острова), а затем хочет открыть свое туристическое агентство.

– Морские прогулки, – с улыбкой пояснил он, – вдоль всего побережья. Летом туристов много, они все садятся на одни и те же большие суда, на которых не зайдешь в самые живописные уголки. Я хорошо знаю этот район. Здесь действи-

тельно есть очень красивые места.

Обыденность этого разговора приободрила Сандрину, но усталость и алкоголь сделали свое дело. Она извинилась перед Полем, поблагодарила его за прекрасный вечер, затем подошла к Виктору, который с тряпкой в руках протирает кружки за стойкой бара.

– Спасибо большое за ужин, мне кажется, я давно так вкусно не ела!

– На здоровье! Идемте со мной.

Пожилой мужчина направился к ресепшен, взял ключ и протянул его Сандрине:

– Вот комфортабельная комната для вас, окна выходят на океан.

– Еще раз спасибо! Завтра мне нужно будет связаться с моим начальством, сказать, что я нормально добралась. Я смогу воспользоваться вашим телефоном?

– Вы знаете, у меня уже давно нет телефона. Недалеко от причала есть телефонная будка. Эта наша единственная связь с внешним миром.

– О... В таком случае, я схожу туда утром. Доброй ночи, Виктор.

Поднимаясь по лестнице со своим багажом, Сандрина услышала какое-то движение в ресторане. Наверное, Поль тоже отправился спать. Но как только она вставила ключ в замочную скважину, до нее донеслись потрескивающие звуки виниловой пластинки...

*Говори со мной о любви,
Ну скажи мне ласковое слово...*

Сюзанна 1949 год

Спустя три дня после обнаружения загадочного рисунка Сюзанна заметила еще два таких же в разных комнатах, с той же надписью снизу. Она решила, что пришло время пролить свет на эту тайну и поговорить с Фабьеном, парнишкой, который очень редко выражал свои мысли. Она воспользовалась тем, что дети собрались в общем зале в ожидании горячего шоколада, и отвела его в сторонку.

– Фабьен?

– Да, мадам?

– Ты можешь мне объяснить, что ты нарисовал в своей комнате, на стене над радугой?

Мальчик опустил глаза, кусая губы. Сюзанне нередко доводилось наблюдать подобную реакцию во время войны, когда солдаты приказывали прохожим показать документы, а дети ждали, пока родители выполнят приказ. У нее сжалось сердце. Она поняла, что ее тон был слишком резок, а невидимые глазу раны открывались при малейшей оплошности. Молодая женщина присела напротив Фабьена и улыбнулась ему.

– Не волнуйся, ты не сделал ничего плохого. Ты можешь рисовать на стенах комнаты сколько угодно, я не буду тебя

за это ругать. Просто я нашла еще два рисунка в комнатах Жюли и Пьера. Это ты сделал?

– Да, мадам Сюзи.

– Вы так играете?

– Нет.

– Что означает «Erlkpnig»?

– «Erlkeung», – повторил Фабьен, чтобы исправить ее произношение. – Лесной царь.

– А кто этот Лесной царь? – мягко спросила она.

– Злодей. Отец мне часто рассказывал эту сказку. Все здешние ребята ее знают.

– Что-то вроде страшилки?

– Угу, – подтвердил Фабьен.

– Вам нечего больше бояться, – заверила Сюзанна мальчика. – Все монстры ушли, они вернулись в Германию, и я уверена, что этот самый «Эр... как его там» последовал за ними. А в чем заключается его злодейство? Знаешь, когда рассказываешь о своих страхах, они исчезают. Я, к примеру, когда была маленькой, боялась спать по ночам. И тогда я закрывала глаза, и монстры пропадали!

– Нет, – вдруг прошептал мальчик, пристально глядя на нее. – Нельзя закрывать глаза! Ни в коем случае!

– Правда? А почему? – спросила Сюзанна, взволнованная его поведением.

– Потому что когда закрываешь глаза, он идет нас искать. Так он сделал со мной, Пьером и Жюли. Он заставил нас

закрывать глаза – и мы попались.

– Послушай, Фабьен, это просто твое воображение...

Она надеялась, что эти слова успокоят ребенка, который начал выглядеть возбужденно. Он потирал руки, словно ему было холодно, тогда как до сих пор просто стоял неподвижно, с немного потерянным взглядом. В тот момент, когда он поднял голову, она увидела темные круги у него под глазами. Сюзанна сдержалась, чтобы не продолжить его расспрашивать. Ей не следовало на него давить. Нужно было убедить его, что теперь он в безопасности, что больше ни один солдат или монстр не сможет ворваться в его комнату, выкрикивая оглушительные приказы.

Однако Фабьен продолжил сам:

– Нет, мадам Сюзи, он приходит каждый вечер, поэтому я и сделал рисунки на стенах, чтобы напомнить ему, что он уже приходил и теперь должен оставить нас в покое.

Последние слова были произнесены дрожащим голосом. Сюзанна различила в нем реальный страх, очень сильный, который поразил ее до такой степени, что она больше не смогла ничего добавить. Она смотрела, как мальчик усталой походкой идет к большому столу. Неподалеку от него сидели его друзья, которые, судя по его словам, тоже испытывали кошмары, связанные с этим «Erlkpnig», о существовании которого Сюзанна до сих пор даже не подозревала.

«Вероятно, солдаты специально распространяли эту историю во время войны, чтобы напугать детей, – рассудила

она. – Ведь лучший способ закрепить свое превосходство – травмировать психику населения с самого раннего возраста».

Ведь Сюзанна, как и любой взрослый человек, прекрасно знала – страхи с возрастом никуда не уходят. Они просто становятся хитрее, заставляя на время о себе позабыть.

– Как дела, Сюзанна?

Перед ней стоял Клод, местный врач. Слишком занятая наблюдением за Фабьеном, она заметила его присутствие только когда он заговорил. Как обычно, он был одет в элегантный костюм и носил монокль, придававший ему аристократический вид. Небольшая лысина не только его портила, но и прибавляла ему достоинства. Его ровный череп прекрасно смотрелся и без волос, придавая ему даже некоторый шарм, к которому Сандрина не была полностью равнодушна.

– О, Клод, вы меня напугали!

– Не знаю, как мне к этому относиться, – со смехом ответил он.

– Нет... Это не то чтобы... Короче, я в порядке, как вы?

– Лучше не бывает! Директор доволен здоровьем детей, а значит, и нашей работой в целом! Вы знаете, их организм был лишен питательных веществ, необходимых для надлежащего развития. Еще два-три года в таких условиях, и большинство из них продемонстрировали бы необратимую задержку в физическом и психологическом развитии... Такой дефицит невозможно быстро восполнить. Жизнь в стране

еще не нормализовалась, если можно так выразиться, и питаться полноценно непросто.

– Совершенно верно.

Сюзанна сомневалась, что у доктора были какие-то сложности с заполнением своего холодильника. Во всяком случае, по сравнению с ней. Насколько она знала, во время войны он возглавлял военный госпиталь. Место завидное, поскольку оно было востребовано и поддержано обоими правительствами. Наверняка он лечил солдат с обеих сторон. Спасительный нейтралитет в этот тревожный период.

– Но благодаря нашей общей работе, – продолжил он, – эти дети снова прибавляют в весе и заряжаются энергией! Хотя я и считаю, что мы даем им слишком много горячего шоколада, но, в конце концов, для них этот напиток безусловно имеет вкус счастья!

– Доктор?

– Да, Сюзанна?

– Мне все же кажется, что некоторые из них выглядят усталыми.

– Seriously?

– Да. Хорошо ли они спят?

– Судя по отчетам ночной смены, с этой стороны нет никаких проблем, – заверил ее врач. – О ком конкретно вы говорите?

– Жюли, Фабьен и Пьер. Мне кажется, они плохо выглядят.

Их плечи действительно были более сутулыми, чем у других воспитанников, а голова казалась слишком тяжелой, чтобы держаться прямо. Но самое главное, их лица казались более бледными, чем обычно, и выглядели такими же холодными, как бетонные стены бункера.

– Скорее всего, это от избытка физической активности, – предположил врач. – В этом возрасте дети бегают до изнеможения. Они еще не знают границ своих возможностей. Это здоровая усталость. Но во время следующего обследования я непременно все проверю, не беспокойтесь.

– Спасибо, Клод.

– Пожалуйста. Выпьем сегодня вечером по пиву? – предложил он, удаляясь.

– Как я могу оставить Франсуазу одну в окружении мужчин и алкоголя? Это было бы безответственно с моей стороны, – с улыбкой ответила Сюзанна.

Сандрина Ноябрь 1986 года

Сандрина собрала чемодан и спустилась на ресепшен. Накануне они с Полем условились встретиться в десять часов утра у дома ее бабушки. Сейчас было около девяти. У нее было достаточно времени, чтобы не спеша добраться до жилища Сюзанны. В гостинице не наблюдалось никаких признаков жизни. Освещение в ресторане было выключено, предоставив слабому утреннему свету, пробивающемуся через шторы, сопровождать посетителей. Молодая женщина прошла мимо музыкального автомата, бросив на него неприязненный взгляд.

«Говори со мной о любви...»

– Что за чушь! – сердито произнесла она.

Сандрина позвонила в колокольчик на ресепшене, но никто не появился. Возможно, Виктор еще спал...

Она оставила записку на видном месте, после чего вышла из гостиницы.

Дождь прекратился. Сначала она заметила это, подняв голову к неприятному серому небу. Затем ей показалось, что остров как-то изменился. Ни по своему строению, ни по размерам, просто... он стал более блеклым. Разнообразные оттенки природы, обычно такие пленительные, сейчас каза-

лись какими-то вялыми. Они как будто погрузились в вечный сон либо выцвели под воздействием этого низкого серого неба, которое нависало над островом, будто хотело вдавить его еще глубже. Сандрина подумала о фотографиях, висевших на стене гостиницы. У нее возникло ощущение, что время идет, развернувшись в обратную сторону, и снимки последних лет с яркими вульгарными красками словно вынудили остров померкнуть. Море и волны, окаймленные пеной, рокотали вдали, похожие на непроницаемое чернильное пространство. Несколько деревьев, встретившихся ей на пути, были голыми – их темные ветви, напоминающие поднятые руки обугленного тела, болезненно тянулись к небу. Сандрина содрогнулась при виде этой картины. Этот пейзаж конца света вселял в нее чувство тревоги. Не хватало только взрывов снарядов, автоматных очередей, потоков крови и дымовой завесы, чтобы ощутить себя в декорациях военного фильма. Или в кошмаре ветерана.

Она снова испытала непреодолимое желание как можно скорее покинуть этот остров.

Сандрина решительным шагом направилась к дому бабушки. Она шла по единственной дороге, которая чуть дальше уходила в лес. Судя по плану, выданному нотариусу, идти ей предстояло недолго.

По мере того как она шагала, ее нервы успокаивались, словно под анестезирующим действием морского ветра и окружающей ее тишины. Она подняла взгляд к облакам, в

поисках многочисленных птиц, которые должны были населять этот остров, но не заметила ни одной. Небо было таким же пустынным, как и поле, по которому она шла. После десяти минут ходьбы она подошла к дому, выглядевшему так же, как и все дома в поселке.

Поль ждал ее, сидя на крыльце, и поднялся, чтобы открыть ей калитку.

– Как дела, Сандрина? Хорошо спала?

– Как младенец, – солгала она.

Ночь была тяжелой. Помимо сомнительного качества матраса молодая женщина несколько раз просыпалась от странного звука, доносившегося снаружи. Сначала ей показалось, что это хаотичные стоны ветра, пробивающегося сквозь скалы. Затем, прислушавшись, она поняла, что это рычит какое-то испуганное животное.

– На этом острове есть кошки? – спросила она.

– А, эти пресловутые дикие кошки, – вздохнул Поль. – Они здесь были. Насколько мне известно, этих животных когда-то сюда завезли, но они начали слишком быстро размножаться. Пришлось их отстреливать, поскольку они стали угрожать различным группам морских птиц, таких как серебристые чайки или обыкновенные гаги. Кошки разрушали их гнезда. Местные жители говорят, что иногда слышат их вой, особенно по ночам, но я ничего такого не замечал. Может, и осталось где-то чудом уцелевшее одинокое животное.

– Значит, Сюзанна жила здесь?

– Да.

– Странно, – заметила Сандрина, обойдя дом справа и обнаружив за ним частично высохшее болото, – нотариус упоминал, что с этой стороны дома должна быть хозяйственная постройка...

– Ее никогда здесь не было, во всяком случае, с тех пор, как я приезжаю на остров.

Молодая женщина в последний раз взглянула на план, затем сложила его и убрала в задний карман джинсов. Поль достал связку ключей, поискал нужный и быстро открыл дверь. Оказавшись внутри, не сговариваясь, молодые люди распахнули все окна, чтобы впустить свежий воздух. Сандрина не знала, поможет ли ей это изгнать многочисленных призраков, укrywшихся в этом доме, но, по крайней мере, затхлый запах выветрился быстро.

Строение состояло из гостиной, маленькой кухни, ванной с туалетом и двух крошечных спален. В одной из них еще можно было различить на стенах следы от двухъярусных кроватей, которые, по всей видимости, использовались солдатами Третьего рейха. Вдвоем они обошли все комнаты, испытывая чувство неловкости от того, что вторглись в интимную жизнь покойной. Поль вскоре вышел покурить на крыльцо, чтобы дать возможность Сандрине спокойно справиться с мыслями. Но молодая женщина напрасно рылась в ящиках, открывала шкафы и тумбочки, – ничто не напоминало ей о Сюзанне. У нее возникло ощущение, что она бро-

дит по выставочному образцу дома, холодному и бездушно-
му, похожему на контору мэтра Бегено.

– Какого черта я здесь делаю? – в сердцах бросила она,
направляясь к Полю.

– Все в порядке?

– Да... То есть нет. Мне нечего делать в этом месте, – про-
изнесла она, еле сдерживая слезы. – Я не знала эту Сюзанну,
доброту и улыбчивость которой мне все так расхваливают. Я
думала, что, попав в этот дом, я смогу сократить душевную
дистанцию между нами, но... Я ничего не чувствую. Лучше
будет, если я как можно скорее вернусь на континент, к сво-
ей прежней жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.